

Таня
Кель

18+

Мора
Скарр

ПРИНЦЕССА
ДЛЯ ЛУННОГО ВОЖАКА

Таня Кель

Принцесса для лунного вожака

«Автор»

«Автор»

2026

Кель Т.

Принцесса для лунного вожака / Т. Кель — «Автор», «Автор»,
2026

Одна ночь. Один оборотень в цепях. Один наследник от него — и я свободна. Так я думала. Он прокусил мне шею в первую же нашу ночь и оставил метку, которую не снять. Через неё он приходит ко мне в снах. И в этих снах я лежу под ним и не могу даже огрызнуться. Утром я просыпаюсь со следами его укусов на коже и серебряным узором, расплзающимся по простыне. Меня готовили двадцать лет как породистую кобылу. Жрец Светлого Круга выкачивает из меня силу, считая это обрядами укрепления. Советник продаёт меня по частям. Двор ждёт наследника, которого они сделают новым сосудом. Никто из них не знает, что зверь, которого я выбрала на одну ночь, выбрал меня обратно. — Скажи, что хочешь, чтобы я к тебе пришёл. — Куда? Мы и так во сне. Ты уже тут. — Скажи, что хочешь, чтобы я пришёл наяву. — Я хочу, чтобы ты пришёл, Грим. — Я приду. И тогда у нас будет жаркое свидание. Когда он войдёт в мой город — а он войдёт, — я узнаю одно: я не его добыча. Я его королева.

© Кель Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	38
Глава 11	41
Глава 12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мора Скарр, Таня Кель

Принцесса для лунного вожака

Глава 1

Велаэна

Передо мной стояли пятеро мужчин. Их выстроили вдоль стены и одели в богатые одежды. И я должна была выбрать одного для сегодняшней ночи.

— Не торопитесь, Ваше Высочество, — протянул Лодин. — Они никуда не денутся.

Мой советник шёл на пару шагов позади меня, заложив руки за спину, и широко улыбался.

Свечи Светлого Круга тихонько горели, отбрасывая отблески на стены. Их специально подрезали до нужной высоты. И всё здесь принадлежало храму. А я ходила кругами по нему и пыталась осознать происходящее.

— Этот. — Лодин чуть склонил голову. — Из дома Вереск. Третий сын. Дом старый и кровь чистая, а ещё он здоров как бык. Но главное ведь не герб, Ваше Высочество. Герб ребёнка не делает.

Я взглянула на мускулистого мужчину, в то время как он старался на меня даже не смотреть.

— А что же я должна выбирать? — задумчиво задала я вопрос.

— Породу, — развёл руками Лодин, будто извинялся за грубость мира. — И то, что в штанах. Простите мою прямооту. Мы отбирали лучших и не по титулам, а по существу. Можно купить дом с гербом, но не факт, что в нём будут хорошие жеребцы.

О Светлая мать, он это действительно сказал? Я выбираю мужчину, как жеребца в стойле? По его мнению, я должна сейчас приказать им раздеться и показать своё достоинство?

Но вслух я ничего не сказала, просто прохаживалась мимо них и осматривала с холодным вниманием. Ни один не был симпатичен, тем не менее некоторых можно назвать красавцами. Вон хотя бы тот. Не помнила, из какой он семьи. С побережья. За ним стояли корабли. А сам мужчина черноокий южный молодец. Мечта всех девушек наверняка. Или вот этот синеглазый. Родня казначея. Явно же обольститель.

— И будьте уверены, их рот не откроется. Никто ничего не узнает, — подбадривал меня Лодин.

Объяснять мне всё не надо. Я овдовела, но зачать ребёнка с Энгусом, слава серебряному свету, не успела. Король соседних земель умер раньше. И женитьба на нём — тоже не мой ход. Внутри я не лила слёз по этому старику. Но меня опять втягивали в нужные для королевства интриги. И хотели наследника. Потом бы сказали, что я продолжила род Энгуса. Вот такие подковёрные игры.

А сейчас меня подвели к стойлу и предлагали выбор жеребцов, что помогут зачать.

— Этот мне нравится больше, — лениво произнёс Лодин, глядя на четвёртого. — Молчун. Такие выносливее. — Он понизил голос, будто мы были с ним заодно. — Хотя, между нами, Ваше Высочество, для дела хватит и одной ночи. Но если захотите потом ещё... кхе... оставить при себе, так сказать, — это не возбраняется.

Остановившись возле последнего, я делала вид, что рассматриваю его. На самом деле к горлу подкатывал тошнотворный комок. Пламя свечей качнулось в мою сторону. Огонь меня любил и сочувствовал мне.

— Мне нужно время подумать, — бросила я Лодину.

— Разумеется, — склонил он голову. — Тут не нужно выбирать поспешно. Все пятеро хороши. Вопрос только какой больше вам по нраву.

И вот тут я поняла, что мне в этом зале не хватало воздуха.

Зал выходил на веранду, и оттуда тянуло ночной прохладой. Я шагнула к балюстраде. Хотела побыть отдельно от Лодина хоть полминуты, а ещё потому, что снизу шёл шум. После этого душного помещения возникало желание просто посмотреть на что-то другое и отвлечься.

Подо мной простирался двор, заполненный телегами. Здесь царила непонятная суеда для этого времени. По дороге вели колонну пленных. Их гнали к дальним воротам на казнь. Серой вереницей.

Я думала отвести взгляд, но зацепилась за одного человека. Он шёл в середине, и на нём было больше цепей, чем на всех остальных, вместе взятых. Его окружало слишком много стражи и вот это меня царапнуло. Почему?

Этот избитый пленник еле переставлял ноги. Да, он мощный и огромный по сравнению со всеми ними, но его уже вряд ли можно назвать живым.

Мужчина поднял голову, и я замерла. Его янтарные глаза будто загнипотизировали. Он смотрел на меня через весь двор, и ничто в его лице не дрогнуло.

По моей спине прошёлся холодок. Но я не показывала страха.

А дальше всё случилось очень быстро.

Лязг цепи, и она лопнула, как нить. Стражи даже ничего не успели сделать, только стояли и хлопали глазами.

Мужчина двигался так быстро, как не двигается нормальный человек. Он стряхнул одного, второго и рванул к лестнице, что вела ко мне.

Наверное, в этот момент стоило бы испугаться, закричать или в конце концов быстро побежать внутрь. Но тело не слушалось. Оно осталось стоять. Может быть, потому, что оно и не вполне моё: через него проводили обряды и расплачивались по счетам других. В решающий миг оно повело себя, как чужое: совершенно спокойно.

Я стояла и смотрела, как ко мне несётся огромная гора мышц, и не издала ни звука.

Вблизи мужчина выглядел иначе. Мне удалось рассмотреть. Длинные тёмные волосы, уложенные в небрежный хвост, хищные жёлтые глаза, но не как у людей. От него пахло псиной и кровью.

Огромная ладонь схватила меня за горло и, клянусь Светлой матерью, я почувствовала выдвигающиеся когти. Однако даже тогда во мне не родилось страха. Мы на мгновение замерли, глядя друг на друга. Что сделает? Сожмёт руку и сломает шею или вонзит когти?

Почему-то в голове проскочила странная мысль: это первое событие за долгое время, которое пошло не по плану. И почему я не боюсь этого зверя?

Секунда, и его тело понеслось вниз. Стражи натянули цепи.

Я только почувствовала, как его коготь царапнул кожу у горла.

Мужчину рванули и поволокли. На этот раз его уже держали как следует. На нижней ступени он на миг упёрся и обернулся. И мы снова столкнулись взглядами. Я увидела холодную злость. А потом отвернулся и сам пошёл, звеня цепями.

— Остановите казнь этого мужчины! — приказала я подбежавшему стражнику.

Он тут же помчался к сопровождающим. Я же провела пальцем по шее, нащупывая царапину. На кончиках была кровь, и я долго на неё смотрела.

— Боги, — пробормотал Лодин участливо. — Какой ужасный вечер. Вы не пострадали, Ваше Высочество?

— Нет, — повернулась я к нему.

— Вот видите. Это то, что снаружи. — Мужчина внимательно разглядывал меня своими серыми глазами. — Там одни оборотни и дикари. Они хладнокровные убийцы и не спрашивают, какого ты Дома, а сразу едят. — Его губы расплылись в отеческой улыбке. — А нас охра-

няют стены, свет и Круг. Скучно, я знаю, но здесь вы принцесса, а там — мясо. Запомните этот вечер. Лучшего урока я бы вам не устроил при всём желании.

Ах вот как? Значит, Лодин специально приказал стражам спустить зверя с цепей? Знает, что я ему ничего не сделаю. Да ещё и напомнил несмышлёной девочке, что такое смерть. Думает, умнее меня и может контролировать королевскую особу? Принцессу Авирона и будущую королеву?

Во мне всё кипело, но внешне я сохраняла ледяную маску спокойствия.

Мы же сейчас выбираем мне тайного мужчину на ночь. Лодин думает, что показал мне пятерых, но он показал и шестого.

Я тронула небо языком, унимая злость, а после вздохнула и сказала:

— Хочу того зверя к себе в спальню. Я выбрала.

А дальше я просто прошла мимо советника, успев заметить, как мужчина от удивления раскрыл рот. Вот и всё. Пожалуй, я попробую сыграть в такую игру.

Глава 2

Велаэна

Это случилось несколько дней назад. Тогда я хоронила мужа, которого у меня, по сути, не было.

Энгус лежал в открытом гробу в храме Вальдмарка, и его тщательно приготовили к погребению: расчесали седую бороду, сложили руки, надели на пальцы кольца.

Стоя в первом ряду, я смотрела на чужое лицо и пыталась выжать из себя хоть каплю горя. Ничего. Внутри растекался холод.

Мы были женаты всего сорок дней. Меня привезли в Вальдмарк в шикарном платье, весившем больше, чем я. Поставили рядом со стариком перед алтарём, и жрец связал наши руки лентой.

Энгус еле держался. Он был уже болен, и оба двора знали об этом. Но свадьбу всё равно сыграли, потому что земли не должны отойти не в те руки.

Конечно, если выдать принцессу Авириона за бездетного старого короля, то после его смерти Вальдмарк мирно перейдёт к наследнику от брака.

И я с комом в горле ждала нашу первую брачную ночь.

Энгус пришёл в мои покои, но, посмотрев на меня усталым взглядом, удалился к себе. Во вторую ночь всё повторилось. И больше мужчина не приходил.

Причин я не знала. Может, берёг силы, а может, сжалился. Так я и осталась женой, которую не коснулись.

Мой муж умер тихо во сне. И теперь по нему вёл службу Свальд. Я почти не знала его. Это верховный жрец. Поднялся при старом короле и пережил его.

Глядя, как он ведёт обряд, я заметила интересную вещь. При нашем дворе служба была представлением, где каждый знал слова, но все думали о своём. Свальд же делал всё кропотливо и настолько искренне, что я увидела поистине верующего человека. Мне это показалось трогательным.

Холод меня возьми, какая же я была дура!

Спустя два дня Энгуса унесли в усыпальницу, а я вернулась в Авирион. Дорога заняла четыре дня через хребет, и я думала, что приеду домой, передохну и тогда решу, как быть дальше.

Но следом во дворец явился Свальд. Всего на день позже.

Меня позвали в малый зал, где принимаю гостей. Там уже ожидал он. От взгляда на высокую фигуру в тёмном облачении у меня потянуло под ложечкой. Его присутствие здесь не обещало ничего хорошего. Так оно и вышло.

Когда мужчина повернулся, я увидела немолодое лицо, изрезанное глубокими складками. Почти уже бесцветные глаза смотрели внимательно и без вражды. Но это и обмануло.

— Ваше Высочество, — произнёс он негромко. — Благодарю, что встретились со мной. Не отниму много времени.

— Чем могу быть полезна? — наклонила голову я, проявляя учтивость к служителю.

— Я понимаю, что вы в трауре, и не стал бы тревожить так скоро, если бы дело терпело, — начал Свальд. — Король Энгус умер, не оставив наследника, и вы это знаете.

— Всё так.

Я насторожилась, потому что пока не понимала, к чему ведёт этот разговор. Но явно ни к чему хорошему.

— Тогда вы знаете и то, что Вальдмарк держался за вашим домом с одним условием: что вы родите ребёнка от этого брака. А наследника нет. По Уложению Круга, как выйдет срок

траура, земли должны отойти ближайшей кровной родне покойного. Вы понимаете, что это значит?

Конечно. Тогда всё получают родственники из непонятного Дома и может начаться смута.

— Брак не был... довершён, — медленно протянула я, всё ещё теряясь в догадках. — Наследника быть не может. Энгус не успел.

— Я знаю, — кивнул Свальд.

И вот тут у меня перехватило дыхание, потому что я видела, что у него есть какое-то совершенно безумное решение.

— Уложение смотрит не на то, что было в спальне, а на то, что объявлено, — спокойно продолжал Свальд. — Если у вдовствующей королевы Вальдмарка родится дитя в положенный срок после смерти супруга, то это будет ребёнок Энгуса. Кровь подтверждать некому. А Круг... — Он внимательно на меня посмотрел и понизил голос. — Круг это подтвердит.

Ловушка грозила схлопнуться. От меня хотели ребёнка, которого выдадут за дитя мертвеца. И сделать всё надо быстро, пока не вышел траур.

— И от кого же мне родить? — почти прошептала я. — Энгус, как вы верно заметили, мёртв.

В горле пересохло, и кончики пальцев чуть задрожали.

— Это решит Круг. Достойного вам подберут. Остальное неважно. Имя ребёнку даст не отец, а закон.

Я хотела что-то сказать, возразить, может, заплакать, но просто стояла ошарашенная напротив Свальда и не могла подобрать слов. Светлая мать, да я же не племенная кобыла!

И в тот момент, когда я открыла рот, чтобы возмутиться, мужчина поднял ладонь.

— Я вижу, вам тяжело, — искренне сочувствовал он мне. — Не рассматривайте это как наказание, Ваше Высочество. Просто... — Он шагнул ближе и заботливо на меня посмотрел. — Вы носите в себе свет. Вы сосуд, через который Круг защищает эти земли. Мало кто может справиться с таким. Дитя продолжит вашу миссию. И это вовсе не цинизм... а предназначение. Я бы на коленях благодарил судьбу за такое.

Что самое ужасное, Свальд верил в каждую фразу, что произнёс. Он глубоко верил в мою магию и во всё, чему служил. Но эта вера переедет меня и не заметит.

— А чтобы вам было легче, — поспешил заполнить он затянувшуюся паузу. — Перед зачатием Круг проведёт над вами обряд укрепления. Вы носите большую силу, дитя моё, но сосуд надо беречь и наполнять. Ритуал поддержит вас и сделает крепче.

— Прежде чем что-то решать, — наконец пришла в себя я, — мне надо поговорить с советником. Лодин знает Уложение лучше меня. Возможно, есть иной путь сохранить Вальдмарк.

— Разумеется, — склонил голову Свальд. — Я как раз просил его прийти. Мне важно, чтобы вы не чувствовали себя загнанной в угол.

И сразу же после его слов послышались шаги за спиной. Это был Лодин. Он поравнялся со мной и, поклонившись жрецу и мне, обвёл зал взглядом.

Я внимательно наблюдала за ним. Он невысокий и сухой. Никогда никуда не торопился. Выглядел молодо, но аккуратная бородка с проседью показывала возраст. Его спокойные, чуть смеющиеся глаза, всегда давали ложное представление, что он добряк. Но он самый хитрый и скользкий тип, которого я когда-либо встречала.

Светлая мать, как же я хотела сейчас, чтобы Лодин оказался на моей стороне. Ведь тогда он сможет найти нужные слова и избежать всего этого.

Я быстро рассказала нашу беседу.

— Советник, — выдохнула я в конце, — жрец предлагает разрешить вопрос Вальдмарка через наследника. Объясни ему, что Уложение знает и другое толкование вдовьего надела.

— Знает, — кивнул мужчина и повернулся к Свальду. — При всём моём уважении к воле Круга, вы торопитесь. Уложение говорит о ребёнке там, где речь о просто вотчине. Но Вальдмарк не вотчина и держится на барьере. А тот, в свою очередь — материя живая, к ней закон о наследстве применяют с великой осторожностью. Есть толкование старших капищ: где стоит барьер, там надел может перейти к вдове напрямую, как к носительнице, без всякого дитя. Зачем вести королеву к чужому ложу, когда довольно одного слова Круга?

Какое облегчение. Я даже чуть не закрыла глаза. Хоть один разумный человек в этой комнате.

Лодин стоял против жреца мягко и непреклонно, плетя свою сеть из толкований. Свальд впервые за весь разговор нахмурился, подбирая ответ.

Наконец-то у меня есть союзник. Он найдёт лазейку из этой непростой ситуации.

— Толкование смелое, — медленно тянул слова Свальд. — Но шаткое. Капища спорят о нём двести лет.

— Оттого и любопытно. — Лодин на секунду осёкся, склонив голову набок. И что-то в его лице переменялось: из глаз ушли озорные искорки. — Хотя... если уж говорить о носительнице и живом барьере, почтенный Свальд, то вы, признаться, мыслите даже мельче, чем могли бы.

Я не сразу поняла о чём он, но всё моё тело уже напряглось.

— Поясните, — попросил жрец.

— Ребёнок принцессы Авириона, объявленный наследником Энгуса, — это ведь не просто один Вальдмарк. — Лодин с каждым словом говорил всё медленнее, будто пробовал мысль на вкус и находил её отменной. — Это два королевства под одной кровью. Один барьер на оба. Дитя, рождённое носительницей, само станет носителем, и связь земель будет на крови и свете. Такое вовек не разорвать. Идея, признаться, прекрасная. Я был недалёковиден, почтенный Свальд. Виноват.

Какой же он... Свеча не догорела, а он уже переметнулся на другую сторону.

Я стояла и смотрела, как мой советник перекачивается к жрецу, как шарик.

Предатель! Хотя нет. Чтобы предать, надо сперва быть верным, а Лодин всегда был себе на уме.

А что я? Конечно, могла бы отказаться. Но это будет самой большой глупостью. Лишиться земель и такой власти. Королевские особы живут не для себя, а для народа. И по иронии ничего не решают. Для этого есть великие и более хитрые умы.

— Прекрасная идея, — повторил Лодин и улыбнулся мне. — Поздравляю, Ваше Высочество. Вы станете матерью двух королевств.

— Всё так, — натянула я холодную улыбку в ответ.

Я одна, и союзников у меня нет. Никто не станет меня защищать.

Вечером Сиве расчёсывала мне волосы, которые я всегда носила распущенными. Круг считал это светлой приметой.

Наконец-то с меня сняли все украшения и тяжёлое платье.

— Они хотят ребёнка, — прошептала я в пустоту.

— Я слышала, — выдохнула девушка.

Она всегда знала всё. Сиве младше меня на несколько лет, темноволосая, зеленоглазая и округлая там, где я угловата. При ней слуги говорили свободно, потому что не принимали её за того, кто может донести, но она неизменно рассказывала мне все слухи.

— На кухне уже спорят, кого выберут. Ставят на того, что с побережья, — пробормотала Сиве.

Я невольно усмехнулась.

— А можно отказаться? — спросила вдруг девушка.

Её пальцы остановились. Она сама не верила в то, что говорила.

— Нет, — покачала я головой. — Нельзя.

— Ох, Светлая мать! Что же будет?

За окном чернела ночь, и далеко внизу горели огни нижнего города. Я смотрела на них и думала, что там живут люди, у которых был выбор. У меня же его нет.

— Лаэна, — обошла меня Сиве. Она единственная, кому я разрешала так меня звать, и то, когда мы находились одни. — Что бы ни случилось, я с тобой. Слышишь?

Я накрыла её руку своей и почувствовала тепло. Мои же пальцы всегда были холодные, а на запястьях просвечивались серебристые жилки. С детства их стеснялась.

— Не беспокойся обо мне. Я смогу это пережить.

Тогда я не знала, как далеко придётся зайти, и всё казалось не таким уж страшным.

Завтра меня проведут вдоль ряда мужчин, и я должна буду указать на одного из них.

Что ж. Пусть. В очередной раз сыграю покорность. Как же все обманываются, думая, что короли что-то решают. За них делают выбор все вокруг: советники, жрецы Круга или народ. А за меня и подавно. Трон Авириона пустовал. Отца с матерью давно нет, наследовать некому, и корона ждала, но не меня, а того, кого я выношу. Так уж заведено Уложением: носительница садится на престол не сама, а когда становится матерью. Пока во мне нет ребёнка, я не стану королевой. Я сосуд под присмотром. Да, меня берегут и готовят. Расходуют мои силы во благо. Но за двадцать лет я не сделала ни одного хода самостоятельно.

Хоть бы раз что-то выбрала. Но нет. Пока у меня нет голоса. Но уже скоро я стану той, перед кем будут склонять головы. Надо только немного потерпеть.

Глава 3

Грим

Я чувствовал нити своей стаи, но сейчас они истончились до волоска. Почти стёрлись, и я с ужасом ждал, что они скоро оборвутся. Хотя этого не произойдёт. В таком случае я сдохну или сойду с ума. Но сейчас они были почти прозрачными, и вместо живого тепла на том конце внутрь входила пустота. По привычке я тянулся к ним сотню раз на дню, но натыкался на весь этот кошмар.

Вот что эти чёртовы люди со мной сделали. Нацепили цепи и отрезали от моих. А я ходил по каменной клетке получеловеком и не знал, живы ли волки или же я пытался прощупать нитями мертвецов?

За это я их и убью. Всех, до кого дотянусь.

Когда наступил вечер, меня вывели из ямы. На этот раз решили обойтись тремя стражниками. У всех были факелы в руках. Ублюдки поволокли меня наверх. Во двор. И я не упирался, пытаюсь сберечь то немногое, что осталось.

На улице стояли вёдра. Мне приказали полностью раздеться. Только тут сняли цепи, но я сверху увидел лучников. Дёрнусь, и из меня сделают решето.

Мужики с размаху окатили меня ледяной водой, как больную скотину, не подходя ближе, чем на длину шеста. После один начал тереть меня щёткой на палке. Он морщился, будто я мог его испачкать.

Холодные потоки смывали с меня запёкшуюся кровь и грязь.

К чему это всё? Тех, кого собираются казнить не моют. Может, всё из-за вчерашней моей выходки?

Сил у меня пока не было, чтобы сбежать. Но это хорошо. Время сейчас на моей стороне.

В конце мне протянули тряпье: простую рубаху и штаны. От чистой одежды пахло мылом, и я тут же возненавидел этот запах, потому что он отдавал храмовой приторностью. Это запах тех, кто вырезал нас с наших же земель и окропил сверху духами, чтобы не воняло кровью.

Меня снова заковали и повели по лестницам. Мы шли через напыщенные залы, освещённые множеством свечей. И я понятия не имел, куда мы направляемся.

Да, вопросов вообще копилось много. Особенно я никак не мог взять в толк, как меня поймали и пока мы шли, снова перебирал в голове ту ночь.

Сперва у нас был лунный обряд, и я до краёв напился силой. Но она ушла через меня, как сквозь решето. И на вылазку я вышел уже неполным. Потому меня и взяли.

Это точно сделал кто-то из своих. Я чуял холод предательства, но пока не знал кто. И я обычно не распутываю узлы. Мне проще их порвать. Однако сейчас в голове даже не возникало никаких догадок, и оттого я бесился сильнее. В город меня притащили через ворота, и серебро с них делало из крови кипятки, но не сжигало дотла. На том и держался. Перелезть и убежать через стены теперь не мог. Я в ловушке, которую мне красиво подстроили.

Ладно. Позже узнаю и вырву глотку предателю, не раздумывая. Раз могли обмануть свои, значит, верить никому нельзя. Надо только выжить. Скоро снова полная луна, она напитает меня, и тогда я смогу выбраться из этой людской тюрьмы.

Когда мы вошли в комнату, я тут же понял, чья она по запаху. У оборотней шикарный нюх. А здесь пахло всё той же цветочной храмовой дрянью и... тонким серебром. Мой нос цеплял этот аромат и не хотел отпускать. А вот это уже плохо. Мне не должно нравиться здесь вообще ничего.

Охранники грубо приковали меня к кровати. Цепь сделали длинной, чтобы я мог двигаться по половине комнаты, но ни вершка дальше. А после они вышли, оставив меня одного в чужом логове. И я ждал, когда она придёт.

Это случилось совсем скоро. Двери распахнулись, и вошла девушка. Она была без свиты и охраны. Вот этого я не понимал. Их принцессы не ходят одни к таким, как я.

Осматривая эту королевскую особу, я думал, увидеть либо страх, либо стену стражи с копьями. И то и то я презирал.

Однако удивило то, что девушка ни капельки не боялась меня. Смотрела как на лошадь, прикидывая, лягнёт ли.

Я тоже изучал. Слухи о ней доходили и до нас. Даже до волчьих земель. Как только её не называли: ледяной принцессой Авирiona, белой ведьмой, святыней под стеклом. Казалось, что люди врут. Но это правда. Волосы у неё были почти белые и спадали тяжёлыми прядями до пояса. В свете свечей они отливали холодным блеском. Кожа бледная до того, что под ней в некоторых местах просвечивали тонкие жилки, будто кто-то по ним пустил серебро. А в глазах чистый серый лёд. Светлые и без дна. Девушка действительно обжигающе красива.

У меня были женщины, но все они тёплые, и их обвивал запах леса и костров. С ними тело знало чего хочет, и получало это.

А вот таких я не припомню. Чтобы пахла всем, что я ненавижу, и при этом моё нутро подбиралось и тянулось к ней против разума. Я смотрел на неё и хотел разом сломать тонкую шею и притянуть к себе. Убить и взять. Зверь во мне не видел противоречий.

— Попробуй подойди, — усмехнулся я хриплым, давно не использованным голосом.

Растянув губы, я показал клыки. Пусть посмотрит.

— И что будет? — спокойно сделала девушка шаг ко мне.

— Думаешь, если подойдёшь, я не достану? Не прикончу тебя, принцесска?

Она даже не вздрогнула, чуть склонила голову набок, разглядывая меня.

— Тогда тебя казнят. А ты явно пока не хочешь умирать. Иначе бы ты не разговаривал со мной, а уже грыз бы цепь.

Холод меня возьми! Она была права. И я на миг забыл, что надо сказать.

— Зачем пришла? — звякнул я оковами и проверяя, дёрнется ли девушка. Но нет. Смелая. — Поглазеть на зверя перед казнью? Так глазей. Кормить не обязательно.

— Я пришла предложить сделку.

— Сделку? — Я зло хохотнул. — С чем ты пришла торговаться к тому, у кого всё отняли, кроме цепи?

— С твоей жизнью, — протянула принцесса. — Она пока ещё при тебе. Как тебя зовут?

— Грим, — прорычал я. — Запомни это имя. Я вожак стаи и по-прежнему опасен для твоих хрупких позвонков.

— Хорошо. — Девушка, словно бессмертная, снова сделала шаг ко мне. — Я расскажу условия, а дальше ты решишь... Грим.

Моё имя в её устах прозвучало необычно, и по коже пробежались искорки.

А после принцесса набрала в грудь воздуха и начала говорить. Я слушал и не верил.

Ей нужна была от меня одна ночь, чтобы сделать ребёнка. И она выбрала меня. Взамен снимет казнь. Жизнь за такую странную просьбу.

Пока я смотрел на неё, внутри поднималось тёмное и горячее пламя.

Когда девушка закончила, из меня вырвались грязные слова:

— Ты шлюха. — Я сказал это нарочно, чтобы посмотреть, что станет с её лицом. — Хоть ты и в серебре, но суть одна. Шлюхе ведь всё равно, с кем лечь, лишь бы за дело. А я-то думал, у вас тут святыни. Оказывается, торгуют тем же, чем и везде.

У меня невольно растянулись губы в ухмылке. Но принцесса не дрогнула, даже румянца не появилось. Ни слёз, ни пощёчины. А я ждал всего этого. Тем не менее лишь её глаза затопило ещё большим холодом.

— Шлюхе всё равно, — парировала она. — А мне нет. Будь мне всё равно, я бы выбрала одного из пятерых мужчин, что мне предлагали. Они согласны на всё и явно избавили бы меня

от этого разговора. Но я выбрала из всех тебя. Так что не льсти себе, думая, что ты как все. Ты единственный, кого я выбрала сама.

И пошла в мою сторону. Поступок смелый и глупый. Девушка не сводила с меня глаз, а я следил за каждым шагом. Не понимал, что она творит.

Моя цепь лежала на полу повисшей дугой. Я знал её длину до волоса, ведь успел её померить.

Ещё шаг, и она войдёт. Ну же.

Принцесса остановилась там, где думала, что в безопасности. По её расчёту, оковы держали меня. Она приблизилась настолько, чтобы поставить условие, глядя мне в лицо, и не показать страх. Ведь сейчас она стояла рядом со зверем, и он её не достанет. Этим принцесса демонстрировала мне свою власть.

Я же спокойно сидел на кровати, давая ей подойти.

Секунда, и я рванул.

Цепь хлестнула, натянувшись в струну, и моя ладонь сомкнулась на тонком запястье. Я дёрнул девушку к себе и перехватил за талию. Освободившейся рукой сжал горло. Под пальцами чувствовал быстро бьющуюся жилку.

— Могу и убить прямо сейчас, — пророкотал я тихо, ей в самое лицо. Мои ноздри втянули запах серебра, смешанный с цветочным ароматом, и голову повело. — Меня и так казнят, принцесска. Не верю я королевским обещаниям. Терять-то нечего. Всего одно движение.

И вот случилось то, чего я ждал весь этот разговор. Грудь девушки дёрнулась, а в глазах на миг проскочил испуг, но тут же скрылся обратно под лёд.

Клянусь лунной матерью, я упился этим вздохом так, как не упивался ничем.

— Можешь, — прошептала девушка сдавленным голосом. — Но не убьёшь. Ты ведь, как и все, цепляешься за жизнь, Грим. Так делают все живые существа.

Её пальцы коснулись моей руки, что сжимала горло. И я впервые не мог решиться. Как просто: взять и сжать. Отомстить за вырезанную стаю, за наши земли. А вместо этого я притягивал её тело ближе, и во мне закипала жаркая истома.

Пёс тебя раздери!

Я медленно отпустил её шею и провёл костяшками по тонкой коже. Нарочно. Чтобы видеть, как она терпит и позволяет всё это. Второй рукой я продолжал стискивать её талию. Мне пришлось чуть нагнуться, чтобы добраться до крохотного ушка.

— Гордая девочка захотела покувыркаться в постели с оборотнем? Смело. Вряд ли я буду нежен.

— Мне всё равно. Я не питаю никаких особых надежд на ласки зверя. Едва ли вы вообще на это способны, — холодно ответила она. — От тебя нужно только одно.

Я переместился к её губам и замер на волоске от прикосновения.

— Почему именно я?

— Это мой бунт против служителей Круга и к тебе не имеет ни малейшего отношения.

— Что-то сомневаюсь.

Я рывком дёрнул принцессу на себя, впечатывая в свой торс, отчего она резко выдохнула и приоткрыла ротик. А я усмехнулся проскользнувшему томлению в её глазах. Принцесска врала. Её тоже по неведомой причине тянуло ко мне. Это странно, но пока разбираться не хотелось.

— Начнём сейчас? — чуть сильнее склонился я, потому что она убегала, прогибаясь в спине.

— Так ты согласен?

— У меня нет выбора.

Мелкие пальчики легли на мой рот как раз в тот момент, когда я планировал вцепиться в неё поцелуем.

— Мне надо подготовиться. Отпусти. Я приду позже.

Замерев, я рассматривал глаза цвета ледяного моря. Волнение принцессы выдавало лишь подрагивающие ресницы.

— Буду ждать, — нехотя разлепил я объятия.

Девушка тут же отступила на несколько шагов, поправляя платье. На щёчках появился почти незаметный румянец. М-да. Кажется, я могу растопить даже ледяное сердце.

А после она кивнула и ушла.

Оставшись в одиночестве, я стал размышлять. Тело ещё хранило воспоминания о принцессе, и я дышал полной грудью, пытаясь их сбросить.

Она думала, что купила зверя на одну ночь, а наутро просто отпустит меня догнывать в клетке. Пусть ходит уверенная, что переиграла прикованного волка.

Я же не собирался отдавать то, что она желает. В голове не складывались слова, потому что я зверь, а у зверя есть только нутро. И оно уже всё решило. Мне нужно взять так, чтобы в ней осталось моё и чтобы потом, куда бы девушка ни пошла, всякий чуял бы за версту, чьё это и не смел тронуть. Во мне древняя животная магия. Головой пойму позже и ужаснусь, но будет поздно для нас обоих.

А ещё принцесса понесёт. Ребёнка хотят они для своих игр. Что ж. Только ребёнок выйдет моей крови и стаи. И тогда у меня в самом сердце их каменного света будет то, чего не отнять. Узел, за который я дёрну, когда придёт срок.

В груди носился вихрь: сломать ей шею, взять её, оставить на ней себя, сделать дитя. Всё разом. И меня почти разрывало от этого чистого хаоса.

Я сел на холодный пол возле кровати и закрыл глаза. Впервые не потянулся нитью к стае. Мне было интересно, что же будет дальше. Время тоже принцесска подарила. А оно бесценно. Потом посмеюсь, когда отсюда смогу сбежать. Ведь они думают, что цепями могут удержать. Могут, конечно, пока силы во мне нет. А как появится, пусть держатся за свои королевские задницы и трепещут.

Поиграем.

Глава 4

Велаэна

Я готовила себя так, как готовят к обряду.

В термах расслабила тело в горячей воде, натёрлась маслами.

Сиве помогала, но молчала. Она знала, куда я иду. Слова здесь лишние.

Велев надушить себя сильнее обычного, я преследовала ещё и иную цель: заставить зверя нервничать. Они не любят запахи. И это даст нам нужную обстановку. Быстро всё решится, и всё.

Но я не знала тогда, что мой аромат тела оборотень услышит даже под яркими цветочными запахами, и всё это пустое.

Ещё я размышляла над тем, как меня отговаривал Лодин от этой затеи. Но его аргументы быстро иссякли: в этот раз меня не переубедить. И если они хотят ребёнка, то получают, но на моих условиях.

Уже когда я шла по коридору, то судорожно размышляла, что всё будет хорошо. Это не страшно: вхожу, мы быстро делаем всё, что нужно, и я выхожу. Наутро у Круга будет их драгоценное зачатие. Зверь останется при мне живым пленником, и никто точно не узнает, потому что он не сможет выбраться.

Как же я была наивна в тот день.

Мужчина уже ждал меня. На этот раз по моему приказу ему приковали только ноги и раздели. Снаружи город накрыла ночь. В комнате горели свечи и едва что-то можно чётко различить. Но я прекрасно видела яркий янтарь его глаз. Грим сидел и просто смотрел на меня хищным взглядом.

Закрыв за собой дверь, я не стала тянуть, чтобы не давать страху волю. Одним движением я расстегнула застёжку на плече от лёгкого платья, специально сшитого для такого момента. Щелчок, и оно слетело к ногам. Теперь я стояла нагая перед мужчиной и старалась не думать о стыде и не давать чего-то более сверх этой ночи.

И в этот момент Грим медленно поднялся во весь рост. Я впервые видела его таким огромным и невольно скользнула взглядом по обнажённому телу.

Мой план дал осечку: у меня перехватило дыхание, а ведь я даже не касалась Грима.

Он был сложен не как мужчины двора. В шелках так хорошо бы не смотрелся. Тяжёлые плечи бугрились мышцами под смуглой кожей. На ней шрамы разной давности и тёмные знаки, что вились по предплечьям, уходя выше. Сразу видно, что он дрался, работал или выживал. Это тело хищника.

Я поймала себя на том, что мой взгляд остановился дольше положенного на его плоти. Во рту пересохло, и я постаралась не думать об этом. Правильно говорил Лодин, что надо было сначала в штаны заглянуть, ведь это же как-то должно сопоставляться с моими размерами, а сейчас...

Светлая мать, это же...

Грим, конечно, заметил, и уголок его рта нагло пополз вверх.

— Нравится? — протянул он. — Смотри, Серебряная. За погляд доплаты не возьму.

— Не льстит себе, — наконец собралась я. — Всего лишь осматриваю то, за что плачу. Не более.

— Ну-ну.

Мне хотелось ещё сказать что-то колкое, чтобы осадить нахала, но он шагнул вперёд, насколько пускала цепь, и протянул руку.

— Если принцесса довольна товаром, может, приступим? Не стоять же всю ночь.

Я слотнула, но страха не показывала. Грим прав. Надо всё быстро сделать и разойтись.

Приблизившись, я вложила свою ладонь в его огромную лапищу. И в следующий миг, сама не понимая как, уже лежала на кровати. А он навис надо мной, упираясь руками по обе стороны, и его длинные тёмные волосы свесились вниз. Я сразу же оказалась под тяжестью мужчины и чувствовала жар, передающийся и мне.

— Можем обойтись без ласк и поцелуев. Это лишнее, — хрипло вырвалось у меня.

— Командуешь даже сейчас, — пробасил Грим. — Пока ты подо мной, будет по-моему.

— Мы так не... — попыталась возразить я.

— Мы не уславливались как, — нагло перебил он. — Поэтому мне решать.

Я лежала и растворялась в мёде его глаз, не в силах даже что-то прошептать.

Горячая кожа касалась моей, и наше дыхание сбивалось, хотя мужчина ещё ничего не сделал. Мой храмовый туман таял в дыму его леса.

Один тёмный локон скатился и упал мне на лоб. Я повела взглядом, скользнула к его жёстким губам. В голову влетела шальная мысль: интересно, а как он целуется?

От этого я даже растерялась. Меня никто никогда не целовал и вряд ли поцелует. Кому? Лишнего короля для меня больше нет, муж в усыпальнице, а фаворитов я заводить не хотела: ненужные сплетни, да к тому же это нити, за которые можно неплохо дёргать. Я прожила всю жизнь нецелованной и не думала, что это как-то осложняет моё существование.

И вот сейчас я лежала под зверем и своим врагом, но почему-то размышляла об этом.

Грим будто услышал. Эти твари всё чувствуют.

Мгновение, и он поцеловал меня. И совсем не так, как я воображала поцелуи. В мечтах они выглядели мягкими и бережными. А мужчина сейчас впивался в меня жадно и грубо. Он будто хотел выпытать из меня то, что я никогда не произнесу.

Тем не менее движения были умелыми и уверенными, и когда он провёл языком по моей нижней губе, я вздрогнула всем телом, оттого что внутри начал разливаться незнакомый мне приятный жар, хотя я ждала отвращения. Внизу возникло тянущее чувство, поднимающееся из живота. А сама я отвечала на этот поцелуй. Даже больше... Я чуть приподнималась, когда Грим слегка отстранялся. И это было унизительнее всего, потому что я ничего не могла поделать. Мне хотелось искупаться в этой страсти.

На краю гаснущего рассудка я успокаивала себя тем, что такая ночь всего один раз, и больше не повторится. Мне стало как-то горько от этого.

Меж тем его руки медленно пошли по мне, изучая. Никакой спешки. Словно у нас вся ночь и торопиться некуда. Грим будто знал всю меня. Находил такие места, о которых я понятия не имела, что они могут так отзываться. Я каждый раз вздрагивала и задерживала дыхание, а он коротко усмехался мне в кожу.

Когда он сжал мою грудь, я выгнулась, издав постыдный стон.

— Хорошо тебе? — пробормотал он, но опомниться и ответить не дал, снова напад поцелуем на мой рот.

Знающие пальцы сжали соски на пределе боли, и тогда я укусила его за губу, отчего мужчина зашипел и отстранился. Но в жёлтых глазах по-прежнему скакали озорные искорки.

Ему нравилось собирать мои отклики. Каждый сбившийся вдох становился его победой. Я видела это в лице мужчины. Но моё проклятое тело впервые в жизни не знало, как вести себя.

Казалось, что огромные горящие руки разогревают во мне огонь и так хотелось сбросить его, потому что он затмевал пламенем разум.

В какой-то момент мужчина раздвинул мои ноги, и я почувствовала его всего. Такого тяжёлого и готового. Вернулась холодная память о том, зачем я здесь. Сейчас будет больно. Мне об этом Сиве говорила. И я приготовилась.

Скользнув взглядом по лицу Грима, я увидела, как его глаза потемнели. Янтарь стал почти бурым.

— Начиная, — выдохнула я, сжавшись внутри в один комок ужаса. Но старалась не показывать. Выходило скверно.

— Холод меня побери, — выругался он сквозь зубы с коротким смешком. — Даже сейчас распоряжаешься. Ну, ладно.

Секунда, и он вошёл. А я зажмурилась. Всё тело разом напряглось от прострелившей острой боли, рвущей меня на части. Ныла и губа, которую я прикусила. Но никаких звуков я не издала, потому что принцесса скорее язык себе оттяпает, чем вскрикнет перед зверем. Единственное, я не могла дышать, привыкая к такой полноте.

А мужчина замер. Остановился весь и неподвижно возвышался надо мной скалой. И когда я открыла глаза, то увидела, как он тяжело смотрел на меня.

— Значит, вот даже как, — протянул Грим медленно. — Никто до меня не касался прекрасной принцесски?

Он всё понял, и теперь я плавилась под его горячим взглядом, внутри рассыпались обжигающие огоньки.

— И что с того? — бросила я сквозь стиснутые зубы. — Делай своё дело, зверь!

— Ни одна женщина ещё не командовала подо мной, и ты не будешь, — рыкнул он.

Грим не стал двигаться дальше, разрывая меня силой. Оставшись внутри и заполняя обжигающей тяжестью, мужчина скользнул рукой между нами. Его пальцы нашли ту самую точку, где было сосредоточие всех моих ощущений. Я даже не подозревала о её существовании. А потом надавил, заставляя выгнуться.

Я задохнулась, и из меня вырвался жалобный звук.

— Тише, Серебряная, — усмехнулся Грим и дальше продолжил хриплым голосом: — Ты ведь даже не знаешь, на что твоё тело способно, верно?

Он медленно скользил пальцами, создавая внутри меня вихрь искр. Боль от вторжения начала отступать, растворяясь в безжалостных движениях умелых рук.

— Подожди. Я не могу, — вдруг засопровтивлялась я, чувствуя, как на меня надвигается шторм из огня.

Он пугал. Я привыкла ничего не показывать и держать себя в руках, а тут не управляла ничем. А мужчина дразнил и нагнетал невыносимое чувство.

— Прекрати, — вырвалось у меня, но просяще.

— И не подумай. Мне такого нигде не увидеть, как от меня получает удовольствие принцесса Авириона.

Мои ногти впились в его плечи, и я всячески пыталась остановить это цунами. Моё тело извивалось. Я дёргала ногами и выгибалась.

— Что ж ты будешь делать, — рассмеялся Грим, хватая мои руки и заводя их над головой.

Я даже не заметила, как он продолжил двигаться. И всё это вместе сносило меня потоком ощущений.

— Нет! Прошу!

— Это тебя не убьёт, Лунная. Угомонись. Расслабься.

Он веселился, смотря на мою беспомощность, а я уже сходила с ума.

И только я вдохнула в рот воздух с криком:

— Стра...

Как он тут же завладел моим ртом, лишая всех попыток сопротивляться. Его пальцы не останавливались, а у меня все мысли сгрудились внизу живота, и я чувствовала, что скоро меня сожёт оглушительной волной. А она до одури пугала... и манила.

Несколько его движений, и я выгнулась от оглушающего удовольствия. Оно взорвалось внутри яркими огоньками, и жидким пламенем рвануло по венам. Я судорожно сжималась, пытаясь это остановить... или продлить. Мой разум затопило наслаждением.

И на этом пике я почувствовала его зубы на своей шее. Они вошли глубоко. И всё перемешалось в клубок. Боль вспыхнула вместе с экстазом, сливаясь в одну точку, я даже не поняла, что что-то прерывисто бормотала.

Я полагала, что это всё и зверь сорвется следом, взяв своё на моей слабости. Но Грим не торопился.

Его челюсти разжались, оставив на коже горящий след, и он начал не спеша покачиваться, заставляя меня чувствовать каждый миллиметр его тела. А я поняла, что это трение разливалось во мне остаточной негой.

Шершавые ладони бродили по моим рёбрам и бокам. Жёсткие губы скользили по шее, ключице и даже груди, когда я выгибалась. Затухающее удовольствие продлевало пик, не давая мне остыть.

— Нравится, принцесса? — шёпотом спросил Грим осипшим голосом, в котором чувствовалось торжество и ярость. — Хорошо, когда по-моему?

Меня трясло от его ласк и толчков, но ледяная гордость всё же осталась.

— Не обольщайся, — выдохнула я, глядя в горящие глаза. — Ты просто единственный, и это ново для меня. С другим, может, будет лучше.

Грим издал рокочущий звук и смял мои губы. Я его взбесила, и это чувствовалось по тому, как изменились движения, став жёсткими и даже болезненными. Ушла осторожность. Моё тело плавилось под первобытной и безжалостной силой. Дыхание мужчины сбивалось. Он гнал себя к обрыву, и каждый рывок выбивал из меня воздух.

— Твою ж лунную мать... — выругался Грим, замерев.

Его тело окаменело, а меня он просто вдавливал в кровать. Внутри вспыхнуло огнём, и я поняла, что всё кончилось. Теперь нужно только ждать. Свою часть сделки этот оборотень выполнил.

Но... у меня остался вопрос. Едва дыша под такой грудой мышц, я тронула себя за шею и повернула голову. На пальцах была кровь. И в месте укуса расплзлось вяжущее тепло.

— Что ты сделал? — прошептала я, когда Грим немного отстранился.

Он смотрел на меня взглядом, что мне совсем не понравился. Как будто получил как раз то, что хотел.

— Не удержался в порыве страсти, — оскалился он.

Но я знала, что Грим врал. Это не похоже на обычный укус.

— Слезь с меня! — толкнула я его в грудь.

И когда мужчина перекатился, я почувствовала неприятную пустоту и холод.

Но все эти мысли тут же похоронила. Это разовое удовольствие, не стоило привыкать.

Вскочив с постели, я быстро натянула у двери платье. Грим тоже встал и уже не улыбался, а смотрел на меня исподлобья.

— Мы ещё встретимся, Серебряная. Ты обещала мне жизнь. И я тоже тебе её сохраню в своё время.

— Что за чушь ты несёшь? Стража! — крикнула я.

— Зря ты выбрала меня.

Он хищно улыбнулся, и в этот момент открылась дверь. Несколько мужчин окружили его. Сейчас Грима отцепят, оденут и отведут в подземелье. На этом всё и закончится. А дальше вышлю его куда-нибудь, чтобы никогда не вспоминать. Там и доживёт свой век.

Я в последний раз взглянула в янтарные глаза. В них было всё — от бешенства до желания.

— Даже не поцелуешь напоследок? — усмехнулся он, когда его вели мимо меня.

— Прощай, Грим, — холодно ответила я, а у самой сердце дёрнулось несколько раз.

Мой первый мужчина и его уведут в кандалах. У всех обычных женщин это самое запоминающееся событие. Мне же нужно, наоборот, как можно быстрее забыть.

Но по телу продолжали растекаться искры. И они шли от его укуса. Что же он сделал?

Глава 5

Грим

Прокусив её, я понял, что зубы вошли глубже, чем должны были. И всё из-за того, что зверь не знает меры, когда метит. У меня во рту разлилась солёная кровь с привкусом, что я раньше не встречал, а на шее тоже жгло ответной магией. Моё тело ещё двигалось, приближаясь к пику. По хребту простреливали молнии, и я выругался под нос.

А после меня прошибло. Серебро принцессы проснулось мне навстречу. Через зубы попало в кровь и растеклось по венам. Светлая и безумно холодная магия влетела вихрем, и в первый миг я даже не поверил, что это рук дело девушки. Страшные потоки, что сжигают оборотней, признали меня. Зверь во мне замер перед огромной и яркой лавиной. Но всего на миг. Затем снова двинулся, потому что тело требовало разрядки.

Но лишь только я её получил, как меня замутило от того, насколько остро захотелось ещё. Причём всю её, без остатка. Я желал присвоить девушку себе до конца веков.

Меж тем она тронула укусы и посмотрела на пальцы, а лицо красавицы не дрогнуло.

— Что ты сделал?

Серебро у тебя под кожей, принцесска, а я этого не знал. Сейчас понял, как всё работает. Зверь во мне поставил метку, а я не сообразил, что последняя пройдёт не только сквозь кожу. И теперь твоя кровь во мне греется, как своя.

Но вслух сказал иное:

— Не удержался в порыве страсти. Бывает.

Сам внутри фыркнул на эту ложь, но объяснять не собирался, особенно бабе, которая через минуту прогонит.

Как в воду глядел.

— Слезь с меня, — толкнула она в грудь.

Я перекатился и следил за тем, как девушка одевается. На меня не обращала внимания. Для неё я стал ненужным.

А это забавно. Мы посмотрим, что будет дальше. Самому интересно.

Принцесса быстро натянула платье, и я тоже поднялся.

Когда она передала меня страже, я хищно усмехнулся и вложил в эту усмешку всё. Особенно то, что теперь Серебряной не отвертеться.

Несколько мужиков, облачённых до зубов в железо, окружили меня, и я совсем некстати вспомнил, как принцесска сказала, что с другими ей будет лучше.

Правда в том, что других не будет. И это для меня очевидно.

Попрощалась девушка со мной тоже холодно. Но ничего. Я погрыз этот лёд и пошёл, куда вели. Главное, запомнил всё. И обязательно верну при встрече. Огнём затоплю.

Но лучше так, чем если бы что-то в её голосе дрогнуло. Иначе я бы остановился в дверях, сорвал платье снова и пёс бы с этой стражей.

Длинный коридор был освещён редкими свечами. Меня вели четверо. Ещё трое шли поодаль с арбалетами. Руки и ноги находились в цепях, вдобавок и кольцо на шее с уздой назад, как у собаки. Но молодцы. Знали, кого ведут.

А во мне сначала уходила дрожь экстаза. Тело ещё не остыло. Но вот глубоко по венам текло серебро и отпечатывалось такой же меткой у меня на шее. Оно отдавало холодом и теплом. Бежало снизу живота и разливалось по жилам к рукам, отчего гудели кости и ныло между лопаток.

Я становился сильнее. И это не похоже на ту магию, что вливает лунный обряд и стая. Девчонка сама не знала, что отдала мне. Но зверь это взял.

Ирония заключалась в том, что сделка была простая: жизнь за ночь. А по факту вышло иное. Я наполнялся серебром принцессы.

Да это ж... прах меня возьми...

Выдохнув, я почувствовал, как лопается сила.

Вот он этот момент.

Я рванул к себе цепь левой рукой и звено разлетелось. Мужик, что шёл за мной, даже не успел крикнуть: я вогнал ему ребро ладони с обрывком железа в горло. Он молча осел.

— Сзади! — заорал тот, кто был спереди.

Но поздно.

Развернувшись на пятках, я выбросил руку с цепью и обмотал чью-то шею. Дёрнул на себя. Ещё одного пнул ногой, и он влетел затылком в стену. Тело вмиг сложилось.

Двое уже разворачивали в мою сторону арбалеты. Молодцы. Не паникуют. Но их жалко.

Я в мгновение пригнулся, и мимо просвистел первый болт. Прямо над ухом. Он ударил в камень, вышибив искру. Подавшись резко вперёд, я в три шага был уже между ними. В моих руках ещё находилась цепь, и я мотал ею как кистенём. Всадил одному в подбородок, и тот рухнул. А второго я уложил левой рукой с выпущенными когтями. Они вышли сами, я их даже не звал.

В нос врезался железный запах крови.

Осталось ещё два арбалетчика. С ними сложнее, потому что надо преодолеть расстояние.

Один успел выстрелить, и болт чиркнул мне по рёбрам. Внутри лютой злостью отозвалось серебро. Подскочив, я ударил первого мужика коленом в живот, перехватив арбалет на лету, и тут же вломил второму в зубы прикладом.

Готовы.

Где-то наверху орали люди. Звонили в колокол, вызывая подкрепление.

Хорошо. Больше веселья.

Я выбил дверь подвала плечом и оказался во дворе.

Магия серебра гудела во мне так, что я едва ли слышал собственный пульс. На ногах ещё висели цепи, и я их рванул, чтобы они лопнули, а затем побежал. Я был голый по пояс, в чужой крови с обрывками железа. А вокруг уже всё кипело.

Стражники толпой мчались от казарм. На воротах ещё пятеро. И по стенам поднимались стрелки.

Меня брали в клещи и окружали, как зверя. Этот хитрый жук Лодин хорошо платил за ребят, потому что именно так должна выглядеть настоящая охрана. Я бы их зауважал, если бы они не пытались меня убить.

У фонтана я схлестнулся с первой волной. И понеслось.

В такие моменты мой мозг отключается, и я полностью доверяюсь зверю. На меня пошли с алебардой, я поймал древко, вогнал остриё мужику в плечо. Успел перехватить копьё у самой груди и, вырвав, сломал о колено. Обломок ушёл тому, кто напал.

Кровь быстро залила двор. Серебро красавицы не давало уставать. Я чувствовал боль, но она проходила насквозь и улетала туманом. Раны затягивались мгновенно.

Со стены начали стрелять, но мимо. Я даже не уклонялся, а просто шёл, и всё летело не туда. Принцесса постаралась, чтобы её магия тянулась ко мне, как к хозяину и сбивала прицел. Пока не понимал, как это работает, да и плевать. Просто пользовался.

Уже у ворот меня встретил их старший. Даже меч поднял, не дрогнув. Хорошее лицо у него... было.

— Стой, зверь! — крикнул он. — Дальше не...

Я снёс его обрывком цепи и пошёл вперёд.

Ещё четверых быстро уложил, и когда последний осел, я толкнул створку.

И вот она. Свобода.

Здесь я на мгновение застыл и увидел то, чего не ожидал. По стенам ползла серебряная решётка. Она должна гореть и своим жаром плавить чужака, выходящего без позволения, но передо мной прожилки расступились. Они бледно светились и пропускали меня.

Когда я побежал по ним сквозь город, я понял, почему так. Серебро, бурлившее под кожей принцессы, то же, что и на стенах королевства. И теперь, когда часть этой магии текло во мне, город считал меня своим изнутри.

Прах меня возьми! Это же гениально!

Я смог вылететь за пределы столицы и уже бежал по ночному полю с холодным ветром наперегонки. Мог бы гнать быстрее, но берёт силы.

Стая ждала в двух ночах пути отсюда.

И тут меня дёрнуло назад. Метка, разделённая на двоих, требовала, чтобы я вернулся.

На несколько секунд я даже остановился и выровнял дыхание. Насыщение магией проходило и тело начало уставать. Именно сейчас меня дёрнуло ещё раз.

Но я не обернулся. И вовсе не из-за того, что не хотел. Я жаждал побежать обратно, потому что метка звала, но вожак должен идти к своей стае. Сперва она, потом всё остальное.

В мгновение я поймал себя на мысли, что принцесска занозой засела у меня в голове. Раньше была только стая, теперь ещё и она добавилась. Я никогда не оборачивался: не на кого. Но в эту секунду мечтал об этом. Останавливали другие причины и холодный разум. Какое-то дикое колдовство.

И меня это взбесило.

Я двинулся вперёд. В лесу уже перешёл на шаг. Дыхание выровнялось, а раны перестали кровить. Серебро тихо оседало. Зато злость не хотела растворяться.

Лунной матерью клянусь: я вернусь сюда за ребёнком. Это моя кровь, и она должна быть на моих землях, а не у её Круга. А ещё в моей голове билась картинка того, как холодно принцесска попрощалась со мной. Мы обязательно встретимся и тогда посмотрю, как будет ломаться этот лёд.

Глава 6

Велаэна

После того как Грим ушёл, я упала на кровать и мгновенно провалилась в сон. Проснулась от криков. Их было много, разной длины и природы. Кто-то приказывал, а кто-то ругался. Мне казалось, даже кто-то умирал.

Я слышала лязг железа и страшные удары в стену, колокол над двором, заходящуюся громким звоном, но продолжала неподвижно лежать.

Моё тело было тяжёлым, между ног саднило, а на изгибе шеи тлело мягкое и совершенно неестественное тепло.

Это наверняка какая-то древняя магия оборотня. Но сейчас думать об этом не хотелось.

По коридору бегали стражники, а внизу что-то ухнуло.

— К воротам! — громче всех кто-то заорал, перекрикивая гул голосов.

Ко мне должен был влететь оруженосец или личные гвардейцы. Они, если что, встанут у моей постели с обнажённым клинком и защитят от резни в замке. Ведь я принцесса, а долг охраны быть в дверях при опасности.

Но никто не пришёл. Значит, они все там внизу. С ним.

А он... пытается сбежать? Неужели получится? А если нет?

Я пока сама не понимала, что чувствую. Хотела ли я, чтобы он умчался навсегда в свой лес или чтобы Грима снова связали. Но ведь тогда его убьют. А от этой мысли мне почему-то было не по себе.

Я же продолжала лежать, поскольку чувствовала себя выпитой другим человеком. Его руки, зубы... та тяжесть, что наваливалась на меня. Всё это ярко всплывало в голове. Хотелось плакать, но я не позволяла себе этого, потому что принцесса не плачет, когда внизу мрут охранники. Она встаёт, накидывает плащ и идёт смотреть, кто кричит и почему.

Впервые в жизни я не сделала того, что должна была.

Если не встану, утром мне это будет на руку. Никто не видел меня бодрой среди криков и не знал, как я бы реагировала. На рассвете я выйду к ним заспанная и ничего не понимающая. Пусть тогда рассказывают, что случилось ночью.

И я закрыла глаза.

Во дворе ещё кричали, а на шее горел его укус. Моё тело проваливалось куда-то вниз, в чёрный сон, где я не сопротивлялась, потому что уже не могла. Все силы разом ушли.

А утром меня разбудил свет в окне. На улице послышался крик: кто-то во дворе отдавал команды.

Открыв глаза, я попыталась повернуться. Каждая мышца отозвалась тупой, ноющей болью. Между ног саднило сильнее, чем ночью. А на шее продолжала полыхать отметина.

Подняв ладонь, я прикоснулась к ней. Кожа была тёплая. Я нажала на рану пальцами, и жар на секунду стал сильнее, поэтому пришлось отдернуть руку.

Светлая мать, что он со мной сделал?

В дверь постучали, и вошла Сиве. Её зелёные глаза были покрасневшие, а под ними залегли тени. На запястье виднелась засохшая капля крови.

Девушка закрыла за собой и на мгновение замерла.

— Лаэна, — выдохнула она и осеклась.

Я видела, как у неё наружу прорывается боль.

— Что случилось? — спросила я, хотя уже знала, что мне сейчас скажут.

— Этот оборотень ушёл, убив столько людей, — всхлинула Сиве и, приблизившись к постели, села на край.

На меня она не смотрела, видимо, винила за всё, что произошло.

— Он порвал цепи, прошёл сквозь двор и снёс ворота. Его пропустили... стены, Лаэна. Никто не понимает как, но серебряный огонь не зажётся и барьера не было. Он миновал нашу защиту так легко.

Я молчала и внутри старалась сохранить пустоту, поскольку иначе пришли бы непрошенные чувства. Может, я бы обрадовалась, что Грим сбежал. Но ведь это недопустимо. Обратни — наши враги.

Всё вчерашнее казалось каким-то бредовым сном. Но сейчас надо собраться и принять последствия.

— Сиве, — сглотнула я. — Кто придёт доложить?

— Никто пока. Лодин запретил беспокоить тебя до утра. Сказал, дать выспаться после... — Девушка наконец подняла глаза. — После всего. Он сейчас сам придёт, Лаэна. Я тебя быстро одену.

Сиве встала и выбрала наряд. Хорошо, что это было тёмное платье с высоким воротом. Девушка расчесала мне волосы, и я убрала их так, чтобы закрыть укусы.

И как только всё завершилось, вошёл Лодин. Его лицо, как всегда, выражало приветливость. В серых глазах мелькали весёлые искорки. Он явно не спал, но, кажется, ему понравилось представление.

— Принцесса, — поклонился мужчина. — Я надеюсь, вы хорошо отдохнули?

— Сиве уже доложила, что произошло.

— А. Вот оно как. — Серые глаза скользнули по моей служанке. — Тогда не буду тратить ваше время на пересказ. Лишь упомяну пару деталей. Восемь наших ребят погибли. Среди них Тамар, у которого жена на сносях, и старший Гулин, чья дочь только что вышла замуж.

— Мне очень жаль, советник, — сглотнула я, и в горле пересохло.

Сейчас он сделает так, что меня припечатает к земле всеми этими последствиями.

— Скажите, дитя моё, — медленно произнёс Лодин. Он подошёл к окну и заложил руки за спину. — Вы ведь помните, что я предупреждал вас. Снаружи смерть, и всё это произошло внутри крепости, принцесса. Я говорил это вам не из любви к собственному голосу. Обратни опасны и...

— Я помню, советник, — перебила я. — Что вы сейчас от меня хотите?

— Просто чтобы вы осознали масштаб, Велаэна. Столько похорон я не смогу отнести в храм с лёгким сердцем. Мне придётся у себя в кабинете принимать вдов. Сироты будут расти, зная, что их отцы умерли, потому что в покоях принцессы не довязали зверя.

Шею резко обожгло, но я не пошевелилась и стояла с каменным лицом.

— Я помню имена погибших, советник. Тамара я даже учила читать, когда мне было двенадцать. Он не знал букв, и я его учила вечерами. Не нужно рассказывать всё так, будто я ничего не понимаю.

Лодин помедлил, а после склонил голову.

— Простите дитя. Моя цель — сделать так, чтобы такого больше не повторилось.

Светлая мать, кажется, Грим — мой первый и последний выбор. Больше не дадут. Именно поэтому с такой лёгкостью мне дали совершить ошибку. Чтобы потом всегда указывать на неё.

Лодин подошёл, и его взгляд переместился на мою шею.

— Велаэна. У вас, кажется, кровь.

Я быстро подняла руку и тронула высокий воротник, что всё скрывал. Но когда пальцы прошлись по краю ткани, я ощутила засохшую корку.

— Ночью расцарапала, — увернулась я от ответа.

Но по глазам мужчины я поняла, что он обо всём догадался.

— Бывает, — улыбнулся он и пошёл к двери. На пороге обернулся. — Велаэна.

— Да, советник.

— Хочу, чтобы вы понимали картину. Метка оборотня — это не шутка. Я зайду к вечеру. Да укрепит вас Светлая мать.

Дверь закрылась, и мой взгляд метнулся к Сиве. Пальцы дрожали. Почему я такая дура? Ведь это точно древняя волчья магия. Я же чувствовала.

— Расскажи мне про метку, — попросила я у служанки.

Она знала наверняка, потому что много интересовалась этими вещами.

Девушка подошла и внимательно на меня посмотрела.

— Дай взгляну. Что ты хочешь знать?

Я отодвинула край ворота, а после сама приблизилась к зеркалу. И мы обе уставились на рану. От неё шли серебряные ломаные линии. Мне даже страшно было рассматривать это. Но теперь ужас накатило сильнее.

— Это волчья метка, Лаэна. Их ставят оборотни. Но не все. Лишь вожаки. И не каждой, а той, кого считают своей собственностью.

От ключиц и вниз пошёл холод. Я ничего не понимала, а ужас сковывал.

— Метка показывает другим оборотням, что ты занята, — продолжала Сиве. — И что под защитой. Чужой волк тебя не тронет. Учует и обойдёт.

— Дальше, Сиве, — торопила я, желая узнать всё разом.

— Её нельзя снять. Кожу можно срезать, но метка глубже. Она в крови.

Я смотрела прямо перед собой, и до меня начинало медленно доходить. Кажется, я понимала, как сбежал Грим и почему вчера я даже не могла встать с постели. Это я освободила ему дорогу, дав свою силу.

— Сиве... — пробормотала я. — Метка связывает меня с ним.

— Я не знаю всего, Лаэна. Только то, что старухи в деревнях говорят, где есть кровь оборотней. Что помню, вроде да, связывает. Что-то ходит между двоими по этой метке. Подробности не знаю.

— Хоть что-то, — развернулась резко я и, схватив девушку за плечи, чуть трянула.

— Не знаю... чувства, сны... сила иногда. Но это слухи. Ведь оборотни сейчас редко появляются. Мы их отогнали, и разговоров стало меньше.

Метка на плече горела, и я уже почти не чувствовала её чужой. Я выпрямилась и несколько мгновений размышляла. Получается... если когда-то его не станет, я об этом узнаю первой.

Во мне вспыхнул огонёк и тут же погас. Не хотела думать, что этот мужчина меня привлекает. Он никто. Вероятно, есть способ убрать метку. Надо этим заняться.

А пока...

Я перевела взгляд на Сиве. Она со страхом смотрела на меня. Её тёмная коса свесилась с одного плеча, и девушка нервно теребила кончик волос. Я знала, что она боится за меня.

— Всё будет хорошо, Сиве. Не переживай.

Она хотела что-то сказать, но в дверь постучали и вошёл молодой служка в светлом одеянии.

— Принцесса, Верховный жрец Свальд передаёт вам расписание обрядов укрепления на следующую неделю. Первый завтра в час до заката.

— Благодарю, — взяла свиток я.

— Да укрепит вас Светлая мать.

Он поклонился и вышел, а я вдруг подумала, что у жрецов никогда ничего не меняется и всё движется ровно. Без разницы, сколько трупов лежало с утра. Но Круг важнее и нельзя пренебрегать обрядами.

Сиве тихо вышла, а я, убрав свиток в стол, поняла, что Грим переиграл меня. Я полагала, что получала своё, а он сейчас бежит к стае. Гордый и свободный. В то время как я продолжаю находиться в клетке.

Но меня это не сломает. Что только со мной не творили: играли как куклой, заставляли делать то, чего я не желала, выдавали замуж, клали под незнакомого мужчину. Я оставалась льдом. Никто не сможет меня разбить.

Если когда-то Грим вернётся, а он это сделает рано или поздно, встречу его клинком. Он узнает, на ком поставил метку.

Надо устроить всё так, чтобы никто больше во дворе не догадался. Лодин не раскроет эту тайну, Сиве будет молчать. А я... стану играть в свою игру, и она ляжет тонкой паутиной.

Глава 7

Велаэна

Я открыла глаза, и что-то заставило повернуть голову. На подушке рядом со мной лежал Грим. И почему-то я даже не подумала о том, что он здесь делает. Потянулась к нему первая и поцеловала.

Для меня это было той же ночью, только сейчас всё происходило иначе. Я решила взять власть в свои руки. Рывком поднялась и оседлала его. Мои волосы коснулись мощной груди. И снова я впилась в твёрдые губы. Он отозвался жарче, чем тогда. Без сдержанности. Целовал, отдавая мне всего себя.

Я льнула к нему и сжимала ногами его бёдра совсем без стыда. Мне сейчас это было нужно как воздух.

Чуть отстранившись, я выдохнула единственное слово:

— Грим.

А потом я проснулась, резко сев на постели. За окном серел рассвет. Простыня сбилась в комок между ног, а дыхание я едва могла унять. Рухнув на спину, я попыталась прийти в себя. По телу разлетались огненные потоки, которые бывают после ночи с желанным мужчиной. И только сейчас я поняла, что не терпела Грима тогда, а отчаянно хотела.

Холод меня возьми, что со мной не так?

Я провела рукой по лицу, убирая испарину. В голове я до сих пор видела себя. Та я горела, и сама совращала оборотня. Какой смысл сопротивляться? Я отдалась без боя.

Мой взгляд вдруг переместился к запястью, уловив что-то необычное. От руки по простыне шёл тонкий серебристый узор, похожий на иней. Рисунок расходился веточками, дотянулся до края постели и пополз дальше на пол. Секунду я смотрела на это, а после прижала запястье к груди.

Узор замер и медленно начал тянуться обратно. А через мгновение пропал.

Что это? Нет, я понимала, что это моя магия, но что с ней происходило?

Наверное, всё дело в метке. Сиве же предупреждала, что канал может работать странно.

Но сейчас, со стыдным жаром между ног, как-то совсем не хотелось об этом думать, и я просто закрыла глаза.

На рассвете пришла Сиве. Она всегда чувствовала, когда я не сплю. Служанка принесла свечу и внимательно посмотрела на меня изумрудными глазами. Кажется, всё поняла.

— Воды согреть? — налила она кувшин из ковша.

— Не нужно.

— Может... чая с травами?

— Сиве, сейчас пока не нужно ничего.

Девушка кивнула и повернулась к камину, чтобы его разжечь, потому что в комнате было прохладно.

Я смотрела на неё и думала, что она единственная, кто знает, что мне приснилось, и не задаст ни одного вопроса.

Огонь занялся и осветил комнату. Низ живота тянуло. Прошло уже три недели с тех событий, и я всячески старалась не вспоминать. Но сейчас грудь ныла, если я задевала её рукой, а по утрам кружилось в голове. Запахи, которые мне нравились до этого, теперь поднимались к горлу.

Я беременна.

От оборотня. Грима!

Впервые призналась себе в этом. А его имя в голове звучало уже иначе: как-то неестественно тепло.

Я сжала кулаки и взглянула на Сиве.

— Приготовь завтрак.

— Хорошо, — склонила голову служанка.

Она знала всё обо мне и про беременность тоже. Но ни одно лишнее слово никогда не сорвётся с её губ, за это я и любила Сиве.

Оставшись в одиночестве, я подобрала под себя ноги и обхватила колени.

Почему я не хотела никому говорить о беременности?

Ответ нашёлся сам собой. Три недели — это рано. Я молода и никогда не была беременна, не знаю, как отличить точно. Тошнота ведь бывает от страха, а задержка — от потрясения. Если я скажу Кругу, что ношу наследника, Свальд тотчас начнёт обряды, а Лодин поспешит выстроить легенду об Энгусе. Но вдруг окажется, что я ошиблась? А повторного захода не будет. Моего зверя не вернуть.

Сначала надо магически проверить у Свальда.

Но у меня ещё вторая причина имела. На шее горела метка, а от кистей шли узоры ночью. Сиве предупреждала про канал, но не говорила о серебре на стенах. Со мной что-то творилось, чего не должно быть. И ребёнок был зачат в ту самую ночь, когда зверь вогнал в мою кровь свой знак.

Что бежит под моей кожей? Обычное ли это?

Свальд жрец Круга и чует магию за версту. Если со мной что-то не так, он скажет. На крайний случай я пойму всё по его лицу.

Но в глубине плескалась и третья причина. Это первый раз, когда у меня было что-то моё. И случилось той ночью, которую я выбрала сама с тем, на кого указала. Стоит объявить о ребёнке, и оно перестанет быть моим. Двор начнёт обсуждать это в гостиных. Малыш ещё не рождён, а у него уже будет имя, отец, наследство и расписание обрядов.

Мне хотелось дать себе несколько дней, в которые это событие только моё.

К полудню пришёл Лодин. К этому времени я уже была одета и причёсана.

Он явился без стука. Как всегда, подтянутый и со смеющимися глазами.

— Принцесса, — легко поклонился он. — Хорошо ли отдохнули?

— Не жалуюсь, советник.

— Хм-м. — Мужчина подошёл к моему столу и поправил вазу с цветами. — Я вам не помешаю?

— Вы никогда не мешаєте, — натянула улыбку я, а сама вся собралась, потому что просто так он редко приходил.

— О, дитя моё. Вы лжёт с такой обходительностью, что мне почти приятно.

Лодин сел в кресло напротив моего, не дожидаясь приглашения. И сложил руки домиком.

— Велаэна. Вы плохо выглядите.

Я ослышалась? Или он действительно это сказал? Но всё преподнесено с такой нежной заботой, что даже ответить невозможно.

— Я беспокоюсь за вас, — быстро продолжил он. — Вы бледны. Тени под глазами. Платье висит на вас иначе, чем висело три недели назад.

Потому что грудь налилась, дурак. И через две недели будет иначе сидеть.

Но вслух я ответила другое:

— Я плохо сплю.

— А, — откинулся мужчина в кресло. — И почему же мы плохо спим? — Но вставить слово он не дал и сразу же продолжил: — Видите ли, дитя, я в последние три недели... так скажем, слушал. Это моё ремесло в сущности.

Лодин специально замолчал, давая мне повод понервничать.

— И что же услышали?

— Слухи о вас.

Да прах бы его побрал с этими долгими реверансами!

Я уже начинала злиться.

— Что обо мне говорят? — не выдержала я.

— О, всякое. Кто что. Не стану утомлять вас подробностями и скажу обобщённо: двор говорит о вас плохо. Даже не зло.

— Поясните разницу.

— Зло — это когда вас ненавидят. И это тоже неплохо, потому что бояться и тогда есть за что бороться. А вот с плохими слухами сложнее. Там появляется жалость, и людям вы становитесь неудобной.

По телу пробежали неприятные мурашки.

— К чему вы ведёте, советник?

— М-м-м, давайте подумаем. Ночь со зверем, после которой принцесса заперлась на три недели в покоях — это раз. — Он поднял руку и стал загибать пальцы, не отрывая колючего взгляда от меня. — Восемь мёртвых во дворе и пленник, пропавший непостижимым образом — это два. И напоследок ваш усталый вид. Двор сам соединил эти простые факты в один неприятный слух.

— Какой же? — хрипло спросила я.

— Что в вас осталось что-то от него.

Ты знаешь же что. Сам видел метку и понимаешь, то это полдела. А остальное — это ребёнок, и это твой главный страх сейчас, советник, потому что тебе бы не хотелось иметь такое наследие.

— Это всё слухи, — отмахнулась я.

— Конечно, — тепло улыбнулся Лодин. — Я не имею в виду никаких фактов, а говорю лишь о сплетнях.

— И что же двор полагает делать со слухами, — уже раздражённо спросила я.

— О, двор ничего не будет делать. Слухами двор питается, ими же и удобряет почву. Я же думаю, что нам необходимо перебить слухи, дитя.

Он чуть склонил голову и внимательно наблюдал за мной.

— Каким образом?

— Двумя, если на то пошло. Первое — вы должны выйти ко двору. Вы посещали обряды, но это не выход. Двор смотрит на процессию издали, а после расходится обсуждать вас на своих кухнях. Я говорю о другом, Велаэна. Вы должны быть на приёмах и охотах, а также на вечерах. Вы будете говорить с лордами и улыбаться. Людям нужна прежняя ледяная принцесса, скучная до зубного скрежета. А через неделю двор устанет шептаться о вас, потому что будет не о чем говорить. Скучная принцесса — лучшая принцесса. Запомните, я не зря вас этому учил.

Я слушала и понимала, что не могу садиться к столу. Меня мучило от запахов еды и вечером от усталости тоже. Если выйду и кто-нибудь увидит, как я зеленею над говядиной, то через час двор будет знать, что у принцессы тошнота, и тогда слух не перебьётся, а подтвердится.

Но несмотря на все мои внутренние протесты, я кивнула.

— Хорошо. Я выйду.

— Тогда перейдём ко второму, — довольно расплылся Лодин в улыбке. — Мы начинаем готовить почву под наследника старого короля. Видите ли, когда вы объявите о беременности, двор должен встретить эту новость не удивлением, а облегчением. Нужно, чтобы это стало долгожданным дождём после засухи.

— И как вы это собрались делать?

— Тихо и без заявлений. Я просто попрошу Свальда служить особые службы за благословение вдовствующей королевы Вальдмарка. За то, чтобы Светлая мать не оставила род Энгуса. Двор услышит, что Круг служит за наследника, и пусть сам сделает выводы. Слух о звере уплы-

вёт в одну сторону, а о наследнике короля — в другую. И через две недели мы победим первую сплетню, потому что вторая удобнее и красивее.

Мне это на руку, но как же страшно.

— Советник, вы уверены, что готовить почву нужно сейчас? Беременности ведь нет.

— Ещё нет, но скоро будет.

— А если не будет?

— Дитя моё. Зачатие было три недели назад. Если оно состоялось, признаки появятся со дня на день, и лучше готовить почву заранее, чем спохватываться вдогонку.

— И всё же, если оно не состоялось? — настаивала я.

Мне было интересно, что у него в рукаве. Я знала Лодина, у него всегда были разные ходы, и хотелось посмотреть, что именно он мне приготовил.

Мужчина мягко и с лёгкой грустью улыбнулся, подался вперёд.

— О, вы умница, что спросили. Я ждал этого.

Он полез во внутренний карман и достал маленький свиток. Положил его передо мной.

— Что это? — Я не двигалась, смотря на бумагу.

К горлу подступала тошнота.

— Это на этот случай. Я отобрал пять имён. Среди тех, кто был на смотре и среди тех, кого там не было. Они все проверенные и подходящие. На этот раз вы сделаете правильный выбор. Если в ближайшие дни Свальд подтвердит, что зачатия не было, мы не будем тянуть, потому что не можем себе это позволить. У Уложения есть сроки, у Круга тоже, как и у наследства Энгуса. Я отвечаю за то, чтобы всё это сошлось в одной точке. Простите мне прямоту, дитя, я подготовил свиток не вам в обиду. Это моя работа.

Внутри поднималось ледяное бешенство.

Опять! Из меня действительно делают королевскую шлюху, как и говорил Грим. А мой советник старался не верить, что зверь всё сделает. С самого побега, наверное, вёл этот список и сегодня принёс его мне с такой тёплой заботой. Может, пусть сам ноги раздвигает и добродушно улыбается?

Холод меня возьми, надо успокоиться, а то сейчас просто начну орать.

Я на секунду закрыла глаза и прерывисто вдохнула, а когда открыла, внешне я снова была привычно холодна. Правда, внутри продолжала кипеть буря. Но сейчас надо показать покорность. Испепелю их в своё время. Только бы дождаться.

— Понимаю, советник. И спасибо.

— Я знал, что вы разумны. Сегодня вечером Свальд должен всё подтвердить. А завтра, если всё пойдёт не так, мы выберем нового мужчину.

Опять отбор жеребцов. Я не вынесу.

К Свальду ехать не хотелось, потому что я мечтала о нескольких днях для себя, в которые ребёнок только мой, но Лодин отнял у меня и это.

Сегодня вечером жрец всё подтвердит, иначе завтра мне придётся снова выбирать.

— Благодарю, советник. Я поеду в храм к закату.

— Я уже распорядился, чтобы карета была готова.

Конечно же. Здесь всё уже решено до моего согласия.

— Благодарю.

Лодин поднялся и низко поклонился.

— Да укрепит вас Светлая мать.

— И вас, советник.

Он ушёл, а я не двигалась ещё несколько секунд и лишь потом выдохнула. Злость затмевала разум.

А после я увидела, как от моего запястья снова вырвались ниточки серебра. На этот раз сильнее. Магия потекла по стулу, дереву пола и по стене. Узор тот же, что и ночью, только

ярче. Он шёл, разветвлялся и, достигнув карниза, замер на потолке. Несколько мгновений вся комната находилась в тонком серебряном кружеве.

Холод меня возьми, это что за...

Перехватив запястье, я прижала его к груди и зажмурилась. А когда открыла глаза, узор уже неохотно отступал и вскоре вовсе пропал, вернувшись в мою кожу.

Со мной раньше такого не происходило. Что это?

Но додумать не смогла. Вошла Сиве.

— Я сегодня еду к Свальду, — произнесла я. — Хочу поговорить с ним лично.

— Хорошо, — кивнула она.

Я схватила свиток и швырнула его в огонь, что горел в камине.

— Лодин снова подкладывает меня под мужиков, — прошипела я сквозь зубы.

— Мерзавец, — подошла девушка и положила руку мне на плечо. — Но он уже опоздал.

Не стоит так переживать.

Её слова успокоили. Я сама знала, что во мне уже живёт жизнь. Просто в очередной раз убедилась, что я для всех не женщина, не человек, а будущий правитель, которого должны выдрессировать, прежде чем он займёт престол.

Только вот я не собака. И они поплатятся.

Глава 8

Грим

Я не мог двинуться. Лежал на спине, и тело моё было чужим и тяжёлым, привязанным к месту невидимой цепью. Мои попытки пошевелить рукой провалились. Даже челюсть едва ворочалась.

Где я?

И вдруг сверху появилось её лицо.

Серебряная.

Её белые тяжёлые волосы упали мне на грудь, а ладони скользнули по телу и пошли вниз.

— Не дёргайся, — шепнула девушка. — Сегодня будет по-моему.

Зверь во мне взвыл, потому что это было невыносимо. Я вожак. Мной не управляют бабы в постели. Я веду!

Но сейчас я лежал под этой холодной девкой и не мог даже зарычать как следует. А она трогала меня там, где хотела. Мне же оставалось только дышать.

Но самое жуткое, что внутри просыпалось дикое желание. Я хотел, чтобы принцесса вела. Желал её холодных рук. Лежать и брать, что дают. И эта часть меня не видела в этом унижения. Только человек во мне бесился, а зверь млел под ладонями.

— Грим, — выдохнула она мне в ухо.

Так моё имя никто никогда не произносил. Метка на плече вспыхнула: через неё лилось всё: тепло и холод серебряной. Будто она лежала не сверху, а внутри меня.

И в этот миг цепь разорвалась.

Я ощутил тело. Понял, что руки и ноги снова двигаются. Зверь дорвался до красавицы, и я перевернул её. Вмял в постель и навис сверху. Наконец-то я сам буду раздавать приказы.

— Лунная! — рыкнул я. — Доигралась?

— Да. Это я. Возьми меня, — выдохнула девушка и, потянувшись ко мне, прижалась. — Иди ко мне.

Секунда, и я вошёл в неё. Взял принцессу зло и жадно, расплачиваясь за все недели без неё, за плен, цепь и за то, что она со мной сделала.

Красавица подалась и стала лнуть. Такая тёплая и мягкая. А я тонул в ней. И метка горела. Всё было...

Не так!

Прах его возьми, что-то не сходилось!

Зверь почуял раньше, чем человек. От девушки не пахло серебром. А шёл аромат знакомой хвои.

И податливость не та. Принцесса не лнула бы так. Она бы огрызнулась, держала бы лёд до последнего, а эта слишком легко отдавалась. Совсем без боя.

В это мгновение я по-настоящему открыл глаза.

Передо мной была Скади.

Я замер.

Серый предрассветный свет лез в щель полога. Лагерь спал. Снаружи догорал костёр, разжевая остатки дыма. А подо мной, обхватив меня руками и ногами, лежала рыжеволосая волчица. Я видел родинки на скулах и серые глаза следопыта. Сейчас она желала меня. И взгляд был не пыливый, как обычно, а жаркий и томный.

Скади, мать твою!

Не Серебряная.

Я отшатнулся так, будто меня ошпарило. Сел, уперевшись спиной в столб. Дышал, как загнанный.

— Пёс тебя дери! Какого тёмного света?

Девушка не двигалась. Лежала, как я её и оставил, и смотрела на меня. Я понял, что она с самого начала знала, что я не в себе.

— Скади! — рявкнул я.

— Ты звал не меня, но я решила... почему бы нет? — повела она плечами.

Я вслух звал Серебряную? И при этом брал её? А она... знала, что я жаждал другую и всё равно легла под меня.

Во мне полыхала ярость, но не на волчицу.

Светлая мать, я ведь ложь за версту чую и различаю каждого волка в стае по запаху с закрытыми глазами. И я не отличил женщину под собой от другой. Метка сорвала мне голову так, что я перестал мыслить здраво. Брал и не понял. Зверь обманут меткой. Бабой, которой здесь нет.

— Уйди! — вырвалось у меня.

— Грим, — подползла ко мне Скади.

— Уйди, я сказал!

Я не смотрел на девушку. Пялился на серый свет и сжимал кулаки.

Она медленно поднялась, взяла с пола свою рубаху и натянула. У полога остановилась.

Наверное, надо было что-то сказать, ведь молчать плохо. Но во мне сейчас кипела ярость, а голову заливало серебро.

— Уйди, — уже тихо повторил я.

Полог качнулся, и девушка исчезла. И лишь оставшись в одиночестве, я понял, что только что сделал. Это не починить. Со мной всегда так: бью раньше, чем думаю.

Твою ж Лунную мать.

Я не мог здесь сидеть, поэтому как есть, в одних штанах, вылез на холод.

Предрассветье было серое. Туман растекался по низинам, касался шатров, где спали волки. На гряде мне кивнули часовые. Да, вожак на ногах раньше всех, как и положено. Если бы они знали, отчего я не спал. Только что брал волчицу, приняв её за человеческую принцессу.

Подойдя к ручью, я сел на корточки и плеснул холодной водой в лицо. Помогло, но не сильно.

И тут я ухватил за хвост одну мысль. Слушал себя нутром и чувствовал связь со стаей. Она истончена. После плена выглядела как порванная сеть. Тянусь к волкам и ловлю их урывками. Разом всех не держу, как это происходило раньше. Всё пройдёт к первой луне. Но интересно другое.

Я сам был крепче. Так не должно быть. После плена и, скорее всего, тёмного обряда, из меня ушла сила и я по правильному должен бы ползать и месяцами восстанавливаться. Но я ощущал мощь. Зверь во мне сыт и доволен, как не наедался давно. Раны от побега затянулись быстрее, чем у здорового. Магия шла откуда-то сплошным потоком. Она чужая по вкусу, но я её принимал.

Всё это не сходилось. Я сидел и злился на то, что в моём собственном теле творилось что-то, что я не понимал. Как будто ему не хозяин. Всю жизнь я знал, когда могу ослабнуть или сорваться, а теперь за спиной без моего ведома наливалось нутро силой и я не мог понять, откуда.

Вожак должен всё чувствовать. А если не понимает что-то, то он мёртв.

Прах меня возьми!

И в тот момент я не связал это со сном. Как мог? Ведь сон — это морок. У меня же был чужой свет в голове с унижением и стыдом. А сила... Вот что странно. То, что они приходили вместе одной ночью, я не сложил. Зверь не для этого создан. Он чует и реагирует. А размышляет человек на трезвую голову. Сейчас же мой разум явно какой угодно, но не трезвый.

Плеснув себе в лицо ещё раз, я поднялся. Метка на плече тлела и тянула к ней... за хребет. Требовательно звала. И этот поводок я ненавидел.

Приснится ли сегодня ночью сон? Я не знал. Может, Серебряная снова придёт и будет делать со мной, что захочет. Мне же останется только лежать привязанным и желать от неё всего.

Но, пёс меня раздери, я ждал этого!

Под покрывалом ярости и стыда перед Скади и непониманием собственного тела, я ждал ночи и её рук. Хриповатого голоса, шепчущего моё имя и чужого серебра, заливающего голову. И это бесило меня сильнее всего на свете.

Я вожак стаи. У меня за спиной волки, которых надо вернуть. Ещё нужно сломать узурпатора Бранна, этого смердящего пса, и отобрать наши земли. Война впереди.

А я стоял у ледяного ручья и как дурак ждал, когда настанет ночь и приснится баба.

— Лунной матерью клянусь, это надо содрать с себя, — пробормотал я рассвету.

Но даже я сам не поверил в высказанное желание.

Глава 9

Грим

К полудню сошёл туман, и лагерь проснулся.

Я стоял у своего шатра и смотрел, как живёт стая. Тянулся к ней по привычке. Раньше это было как дышать, и я не думал о связи со своей стаей, просто чувствовал каждого. Старого Дрейвена, ворчащего над костром. Молодняк, грызущийся за мясо у загона. Скади где-то на гряде, отдельно от всех, как всегда. Мне не требовалось напрягаться и ощущать нить, что шла от меня к каждому.

Сейчас я попробовал ещё раз и провалился. Поймал только пустоту. Лишь урывками хватал кого-то.

Пока я ждал полной луны, чтобы набраться сил, моё место временно заняли.

А вот и он. Навстречу от большого костра пошёл Бранн. Он двигался вразвалку и никуда не торопился. У него были светлые волосы и зелёные глаза, шрам рассекал бровь. Второй в стае. Но это раньше, три недели назад. А теперь он стал первым и врос в моё место так плотно, что я каждый день обдираю об это шкуру.

— Грим, — кивнул он мне как равному. — Хорошо спал?

Я в секунду вскипел. Бранн не мог знать про ночь и учуять на мне Скади. Я смыл её у ручья. Но он спросил так, будто всё знал. И эта случайная меткость влетела в меня как нож.

— Отлично спал, — отрезал я.

— Это хорошо. Тебе надо отсыпаться. — Он встал напротив, заложив большие пальцы за пояс. — После плена-то надо восстанавливаться. Силы беречь.

Сказано это было мягко и с заботой, но я-то знал подтекст этих слов. Бранн мечтал, чтобы я сидел и не высовывался, пока делами занимаются те, кто покрепче.

— Я в порядке, — выплюнул я.

— Конечно, — улыбнулся волчара. — Просто стая привыкла за три недели уже к твоему отсутствию. Ребята спокойны, дела идут, да и охоты добрые. Ломать налаженное ни к чему, сам понимаешь.

Говоришь, место моё, и я его не отдам, старая рухлядь? Ну хорошо. Мы ещё померяемся силой.

Но несмотря на злость, я должен был признать поганую правду. Если сейчас брошусь на него, то проиграю. Форма не та. Сеть рваная, и стая не держит меня как вожака в полную силу. Зато Бранн крепок в своём праве. Либо он меня положит при всех, либо я его не дожду, и тогда я не вожак, оспоривший и взявший. А это хуже смерти.

Зверь во мне рвался и желал перегрызть наглецу глотку. Но я держал его за шкуру.

Никогда раньше этого не делал. Я бил. Сейчас же стоял и пытался проглотить это дерьмо. А заморыш Бранн это видел и широко улыбался.

— В полнолуние я проведу ритуал, — выдавил я из себя наконец.

Кажется, это его задело. Но лишь на миг, дальше лицо снова стало непроницаемым.

— До полнолуния ещё дожить надо. Поговорим, как подойдёт. Ты пока силы копи.

Он повернулся и пошёл обратно к костру. Посмел встать ко мне спиной! А так делают, только когда не боятся.

И вот это вспороло душу.

Вожак, пусть и слабый, вернулся, прошёл сквозь стену, которую нельзя пройти. Такого должны опасаться хоть немного. А Бранн был спокоен.

Совсем обнаглел за три недели. Власть голову вскружила, вот и весь сказ.

— Глотаешь, значит? — пробухтел рядом голос Дрейвена.

Я повернулся, и мы пошли с ним к западному костру, где он всегда сидел. Сейчас в его котелке что-то по обыкновению булькало, источая запах трав с жиром.

Старый волк был весь седой. Морда в рубцах. Одно ухо рваное с давних времён. Старейшина стаи. Даже в молодости помнил его стариком. Кажется, он будет таким вечно.

— Не лезь, Дрейвен, — проворчал я.

— А я и не лезу. — Он поднял на меня взгляд. — Сижу, кашу варю. Это ты тут бегаешь, как пёс, у которого кость отняли. Но не делаешь ничего. Вот смотрю на тебя, и желудок сводит. Садись уже, не маячь.

Я плюхнулся на поваленное бревно. На старика злиться не умел. Он всех нас переживёт и перебрюзжит.

— Бранн обнаглел совсем, — выдохнул я.

— Бранн бестолочь, — отозвался Дрейвен, пробуя варево с ложки. — Он был дураком, сейчас дурак, и помрёт им же. И хорошо, если своей смертью. Дурак сел на место умного и думает, что стал сильным. Но он просто задницу свою уместил. — Старик смачно причмокнул. — Прах его возьми, пересолил. Ну-ка попробуй.

И сунул мне ложку с такой скоростью, что железо больно ударило о зубы. Да к тому же варево обожгло.

— Ай! Пёс тебя дери! Больно! — взвился я. — Пересолил!

— Сам ты пересолил! Ничего не понимаешь в каше. Твой отец тоже не понимал, упокой Лунная мать его душу. Молодняк вон вообще соль с песком путает. Я им говорю, что в каше главное мера, а они гогочут и спрашивают, когда я в последний раз бабу видел. Вот пёсий род пошёл. Щенки беззубые. При старом вожаке за такое язык бы вырвали, а нынче все равны. Умных развелось.

Я фыркнул и улыбнулся. Впервые за несколько дней и внутри чуть отпустило.

Но тут старик принюхался. Повёл носом по ветру. И морда его рубцеватая вдруг застыла. Веселье испарилось.

— Дрейвен, ты чего? — удивился я.

— Что на тебе?

— Где?

— Несёт от тебя, парень, старинной магией. Такой древней, что ей спать бы да спать. И лучше бы её не будить и в себе не носить. Серебром от тебя несёт светлым. — Он сглотнул. — Где ты это подхватил?

Меня пробило неприятными разрядами.

Старик чуял снаружи так, как я чуял внутри.

— Это долгая история, — отмахнулся я.

— Не рассказывай, — отшатнулся он от меня. — Я старый, Грим и хочу помереть в своей шкуре, а не... — Дрейвен осёкся и, тряхнув головой, отвернулся к котелку. — Тьфу ты! Каша стынет. Старый стал, мерещится всякое. Соль вон, кажется, с перцем путаю.

— Эй...

— Сейчас кашу положу, — буркнул он, накладывая в миску варево. А руки чуть дрожали. — Ешь, пока тёплая. И к Бранну не лезь покуда. Слаб ты ещё, сам видишь.

Старик больше ничего не сказал дельного. Я сидел рядом и пытался запихнуть в себя пересоленную кашу. А он ворчал на всё подряд: молодняк, погоду, даже на мои манеры. Но я понимал, что серебро не на шутку испугало его.

Дрейвен что-то знал, но, кажется, вскоре и я пойму. Всё это из-за холодной девки с белыми волосами и льдом в глазах, которая лежала подо мной одну ночь. Тогда я что-то впустил между нами, чего боялся даже старик.

Однако я страха не испытывал. Кажется, это именно то, что сделает меня сильнее.

Глава 10

Велаэна

Сиве заплетала мне волосы, когда в окно ударил первый луч. В зеркале сидела не я: лицо смягчилось, губы налились, на скулах алел упрямый румянец, какого у меня с детства не было. Сиве ночью перешла лиф, и сегодня платье село плотно. Грудь стала тяжелее.

— Тебе идёт, — шепнула она, вплетая в косу серебряную нить. — Хоть и тошно тебе это слышать.

— Всё так, — опустила я глаза.

Девушка чуть отступила, оглядывая меня, и кивнула.

— Готова.

А вот с этим я бы поспорила. Но сидеть здесь долго мне никто не даст. Лодин ждал у дверей. Как и все остальные. Надо было пройти это всё, не оступившись.

Советник тут же подхватил меня под локоть и повёл.

— Прекрасно выглядите, дитя, — заметил он вполголоса, скользнув взглядом по лифу. — Круг будет доволен.

— Круг или вы, советник?

— Не вижу разницы. — Мужчина мягко улыбнулся опасной улыбкой. — Помните все условности?

— Конечно.

Зал ослепил меня свечами. Лодин повесил стяги и всех расставил: здесь были знамёна Авириона, Круга, Вальдмарка. Кругом — лица людей, и отовсюду слышался шёпот.

Я шла по проходу с гордо поднятой головой и одновременно наблюдала за толпой.

На возвышении ждал высокий Свальд в серебряном облачении Круга. Его прозрачные глаза смотрели на меня с теплотой. Однако от неё становилось холодно.

— Дети мои, — заговорил Лодин, и его голос прошёлся по этому залу. — Свет смиловился над нами и над землями нашими по обе стороны хребта. Светлый Круг подтвердил то, о чём мы все молились и не могли поверить. Под сердцем у нашей принцессы Авириона — наследник.

В зале сделалось тихо, а советник продолжал, не торопясь и растягивая речь:

— Кровь короля Энгуса течёт в этом ребёнке. Земли Вальдмарка остаются за домом старого короля, в лице наследника, носимого под сердцем его вдовы.

Склонив голову, я отчётливо чувствовала, как мой ребёнок перестал быть моим. Никто не вышел и не сказал ничего против. Все согласились. Но каждый по-своему. Свальд — искренне. Лодин латал свой план. А двор принимал что угодно из рук Круга.

Не согласился только один, но его в зале не было. Поэтому я единственная за него молчала.

Сегодня твоего ребёнка назвали чужим, Грим.

Метка под высоким воротом зажглась, и я едва дёрнулась.

А тем временем Свальд начал благословение.

По окончании зал выдохнул, а Лодин подал мне руку и подвёл к стульям. По-вальдмаркски беременных не держат на ногах перед двором. Это считается дурной приметой. И я это сделала с облегчением.

Когда служба подошла к концу, Свальд спустился ко мне с возвышения и протянул сухую ладонь, в которую я вложила свою. А затем он по-отечески улыбнулся.

— Светлая мать, вы бледны сегодня. Придите ко мне через час, и мы укрепим вас.

Холод меня возьми, как же этого не хотелось.

В назначенный срок я вошла в малую капеллу. Её потолок был в тёмной копоти, а в нише стояла серебряная чаша побольше той, что в зале. Меня усадили на низкую скамью с подушкой и расстегнули высокий ворот до ключиц.

Здесь находились только двое служек да Свальд.

Опустившись передо мной на одно колено, жрец взял мою левую руку и развернул ладонь вверх. Он когда-то объяснял, что делает так, как слуга носимого мной света, а не как его господин.

— Закройте глаза, если хотите, принцесса.

Но я лишь сильнее распахнула веки.

Один служка зажёл свечу, второй поставил передо мной чашу.

Накрыв мою ладонь своей, жрец начал. Я почувствовала, как холод тронул запястье, наливая кожу изнутри. Потом пошёл выше по предплечью и оттуда в самую грудь. Меня учили с детства принимать это ощущение.

Раньше в этом месте я забывалась, но сейчас подумала, что вместе с этим холодом у меня всё внутри затухало. То, что наполняло в последние недели и ночами рисовало узоры по подушке — исчезало под ладонью жреца. В тело входил лёд, и одновременно внутри отступало тепло.

— Свальд, почему так холодно? — спросила я.

Жрец даже не поднял головы. Его голос оставался тёплым, как всегда, когда он отвечал на мои страхи.

— Это не холод, принцесса. Серебро Круга прохладное, потому оно тебе так чувствуется. Это и есть укрепление, когда свет наполняет сосуд. А тому кажется, что в него вливают зиму. Но на самом деле это свет.

Я ещё хотела что-то спросить, но Свальд не дал.

— Не разговаривайте, Ваше Высочество. Потерпите. Уже почти всё.

И в эту секунду, готова поклясться, тепло совсем ушло, да так, что я чуть было не вскрикнула. Но вместо этого лишь выдохнула.

Когда жрец отнял свою ладонь, у меня проступили вены под кожей, как у человека, потерявшего много крови. Голова мягко плыла.

— Нам надо ещё четыре дня, если барьер будет беспокоен.

— А что с ним? — безучастно спросила я, не поднимая глаз от чаши.

Жрец помедлил, прежде чем ответить.

— Волнуется, — произнёс мужчина осторожно. — В последние недели с ним что-то происходит. Я не вполне разобрался, что. Возможно, перемена сезона или ваше положение. Я ищу в книгах и старых текстах. Пока прецедента не нахожу. Но обязательно найду. Не волнуйтесь, принцесса.

— Хорошо, — пролепетала я.

Свальд по-отечески улыбнулся и вместе со служками вышел. Как только дверь за ним закрылась и я осталась одна, то сразу же пощупала руку. Она остыла так, что я её почти не чувствовала.

Мне пришлось долго сидеть, до тех пор, пока не вернулось ощущение пальцев. И то до конца я их не ощущала. Однако всё равно поднялась.

В коридоре меня встретила Сиве и накинула на плечи шаль. Без слов подставила локоть и довела до постели. Я уже почти не помнила, как она сняла туфли, расстегнула лиф и стянула тяжёлые белые юбки. Даже глаз не открыла, когда девушка задёргивала шторы.

— Я посижу.

— Иди, Сиве, — только и пробормотала я.

Она незаметно улизнула.

Во мне сидел такой холод, какого я не помнила. Сжавшись под одеялом в клубок, я пыталась собрать хоть каплю тепла. Оно плескалось внутри подо льдом моих собственных мыслей и теплилось у самой метки на плече.

Я потянулась было к нему, но тут же провалилась в сон.

Открыв глаза, я почувствовала хвою и дым. Подо мной находилась влажная земля и мох. Где-то рядом потрескивал костёр. Вдали низко выл волк, и от этого всё сжалось.

Ко мне спустились чёрные мокрые ветви, и я видела редкие звёзды между ними.

Хотелось повернуть голову, но не вышло. Как и пошевелить рукой и свести колени.

Светлая мать. Меня не связали, никто за запястья не держал. Однако тело перестало быть моим, как будто кто-то приклеил меня к этому месту. Я могла лишь дышать, моргать и говорить. А вот двинуть мизинцем — нет.

И я уже однажды находилась в таком сне. Только тогда, в моих покоях, неподвижно лежал Грим. А я делала с ним, что хотела.

Сегодня всё переменялось местами.

Глава 11

Велаэна

Внезапно слух уловил шум. Слева приближались неторопливые тяжёлые шаги. Кто-то остановился возле меня. Краем глаза я заметила чёрный силуэт.

— Псы тебя подери, — глухо выдохнул знакомый бас. — Опять? Сколько можно, Скади? Сказал же, что не звал тебя. И в прошлый раз не звал. Уходи! Не зли. У меня даже на сон уже сил не осталось каждый раз объяснять тебе одно и то же.

Скади? Это кто?

Внутри прошибло жаром, а горло сжалось в ревности.

— Кто такая Скади? — едва двигая губами, прошипела я.

Над головой повисла тишина. А потом шаги приблизились, и мужчина медленно опустился на корточки. Его лицо наконец оказалось у меня в поле зрения.

Янтарные глаза прожигали. Скулы заострились. Я видела на щеке свежую ссадину. А волосы были перехвачены кое-как кожаным ремешком. От него шёл жар.

— Серебряная? — удивился он.

— Я задала вопрос. Кто такая Скади?

Мужчина криво усмехнулся на одну сторону, и у меня по телу рассыпались мурашки.

— А ты ревнуешь? — лениво заметил Грим, склонившись надо мной так близко, что я ощутила его дыхание на ключице. — Хорошо лежишь, кстати. Не дёргаешься.

— Если бы могла, получил бы по щеке.

— А вот это на тебя похоже, принцесска.

Тёплая ладонь опустилась мне на лодыжку поверх сорочки и не спеша поползла вверх. Чуть выше колена остановилась.

— Скади — это псина из моей стаи, — медленно произнёс он, проводя костяшками по бедру. — Рыжая. У неё длинные ноги, и она хорошо нюхает. А ещё у неё хватает ума не задавать мне вопросов. Что ты ещё хотела услышать, Лунная?

— Раз ты её отгонял второй раз, — холодно произнесла я, — значит, она к тебе приходит? Ты, оборотень, привёл меня в свой сон, а тут уже занято.

Он замер на полсекунды, а потом посмотрел прямо в глаза.

— Сказал, секретов у нас с тобой не будет. Поэтому слушай. Когда ты мне в первый раз приснилась, я проснулся и взял её. За тебя принял. Она знала, что я звал не её, и всё равно под меня легла.

Внутри всё осыпалось. Во мне гремела ярость. Какая-то рыжая псина лежала под ним, и от этого мне больно, хотя я не имела права на это чувство. И на него не имела права. Но всё равно в груди разливалась горячая ревность, какой раньше у себя не знала.

— Значит, ты, оборотень, — едва шевеля губами, выговорила я, — путаешь меня с псиной?

— Не путаю. — Грим опустил голову на мою шею и потёрся щекой о кожу. Его щетина обожгла. — Тогда не различал. Больше этого не повторится. У неё другой запах.

— Утешил, — прыснула я.

— Даже не собирался.

Светлая, как же мне хотелось сейчас вцепиться в его волосы. Такого никогда не было. Я умела всегда держать себя в руках.

Коротко хмыкнув, Грим прижался к коже губами. И я выдохнула вопреки воле. Метка под этой лаской раскрылась толчком, и в меня хлынуло обратно всё, что сегодня вытянул Свальд. Я задохнулась от того, как сразу всего стало много.

— Ты сегодня холодная, — пробормотал Грим мне в горло. — Чем тебя кормили, Серебряная?

— Не твоё дело, — огрызнулась я.

— Моё, — прикусил он кожу, и я закрыла глаза. — Всё, что в тебе бежит — моё. И то, что они туда вливают — тоже. Так что говори, чем кормили?

— Серебром Круга, — задыхалась уже я от жара мужчины. — Холодным.

— Псы тебя дерят. — Он отстранился и на секунду закрыл глаза. — Я тебя сейчас отогрею, Лунная. Не дёргайся.

— Я бы и не смогла.

— Тем лучше для нас обоих.

Ладонь его поднялась выше. Туда, где под тонкой тканью было неприлично тепло. И я почувствовала, как по позвоночнику прошлась дрожь.

Грим остановился и дальше не двинулся. Ждал.

— Ну? — пророкотал он. — Спрашивай, принцесска. Я знаю, что ты хочешь задать вопросы.

— Я думаю, оборотень, что хочу выгрызть тебе глотку зубами, — процедила я.

— За псину?

— За то, что мне есть до этого дело.

Его янтарь глаз был настолько близко, что расплылся у меня в одно пятно, и в нём я увидела тяжёлый жар.

— Звучит хорошо, — протянул он. — Продолжай мне это говорить, Серебряная. Я люблю слушать.

Секунда, и его губы впились в мои. Но поцелуй вышел медленным и глубоким. Язык мужчины прошёл по моей нижней губе так, что в животе свернулась тугая пружина.

Я ответила. У меня даже выбора не осталось.

Грим улыбнулся мне в губы сводящей с ума ухмылкой.

Оторвавшись, он скользнул по линии моей челюсти к мочке уха и прихватил её зубами, вырывая из меня лёгкий стон.

— Сегодня меня водили в большой зал, — едва бормотала я, пытаюсь справиться с эмоциями.

— Зачем?

— Объявить наследника.

— Чей наследник, ведьма?

Я не отвечала, а он спустился ниже и поцеловал у основания шеи, там, где билась жилка.

— Я слышу твоё сердце, — мягко произнёс мужчина. — Оно мне врать не умеет. Скажи словами.

Набрав в грудь больше воздуха, я выдала:

— Сегодня твоему ребёнку нашли отца, оборотень. Старого и мёртвого. Свальд благословил, а Лодин озвучил. После двор поклонился. И все согласились, что у меня в животе кровь Энгуса, а не твоя. Если хочешь, благослови их и ты отсюда. Они оценят.

В нём всё замерло. И тут же взорвалось.

Я почувствовала это кожей. Тело над моим напряглось от пяток до затылка, дыхание стало прерывистым, а медовые глаза почернели.

— Повтори! — потребовал Грим, и его голос опустился так, как не опускается у человека. — Каждое слово повтори, Серебряная.

— Не повторю! Я всё сказала.

Опустив голову к моим ключицам, он провёл языком по коже, и я застонала, потому что жар врывался внутрь и толчком выгонял холод Круга.

— Повтори, — глухо рыкнул он в мою кожу. — Чей ребёнок?

— Твой! — не выдержала я.

— Громче!

— Твой, Грим. И сегодня его назвали чужим. А я это приняла. Доволен?

Прикусив мне ключицу, он низко зарычал, и этот звук прошёлся по всего телу. Я даже не поняла, что у меня вырвался ответный возглас.

— Не доволен! — отчеканил мужчина, и из каждого следующего слова вырывалась тяжёлая ярость. — Свет меня возьми, не доволен! Этого вашего сухого старика я найду и сложу к твоим ногам. Целиком или по кускам, как тебе угодно, Серебряная. И советника твоего найду. Этот ребёнок мой. И ты в нём моя. А тот, кто сегодня поднялся и решил, что ребёнок чужой крови, — он сейчас ходит и не знает, что у меня в крови плещется его имя.

— Грим...

— Молчи и слушай. Ты будешь смотреть.

Он снова поцеловал меня глубоко. И я ответила. Пружина внутри сжалась туже, и между бёдер уже было неприлично жарко. Я ненавидела это, но хотела больше.

Оторвавшись, Грим опустил голову мне на грудь, и какое-то время слушал моё сердце.

— Что ты сама про это думаешь, Лунная? — наконец тихо спросил он. — Не двор, а ты.

— Меня в этом ребёнке нет. Все уже про него знают: имя, отца, земли разделили, составили расписание обрядов. А я — сосуд, в котором он созревает, и когда всё завершится, сосуд можно будет помыть.

Грим медленно поднял голову. Я никогда раньше не видела у мужчины таких глаз. Будто он готов сжечь весь мир.

— Ты не сосуд, — низко пробасил он. — Слышишь? Кто тебя так назвал, я ему лично язык вырежу. Дай мне только имя.

— Все так зовут, оборотень. Список длинный.

— Тем лучше.

И снова смял мои губы. Теперь медленнее. Он пил меня долгими и ровными глотками. А я открывала рот, желая ещё.

Когда он наконец оторвался, я тяжело дышала.

— Сегодня обмен честный, принцесса, — глухо предупредил мужчина. — Я тебе сказал про псину. Ты мне — про зал. Дальше будут правила. Молчишь — я не двигаюсь. Лжёшь — кусаю. А скажешь правду — продолжаю. Согласна?

— У меня нет выбора, Грим.

— Умная. Это хорошо.

Его ладонь, до этого замершая между моих ног, снова двинулась.

— Раз так, я начну, — прошептала я.

— Спрашивай.

— У тебя был кто-нибудь близкий?

— Внимательно слушай ответ. У меня не было ни жены, ни отца, ни семьи. Мать умерла, когда я был мальчишкой.

— Кто тебя растил?

— Стая.

— Стая — это не семья, оборотень. — Я с трудом дышала, потому что его рука выписывала круги по моим бёдрам, и мне отчаянно хотелось их сжать.

— А что ты знаешь про семьи, Серебряная?

У меня не было ответа.

Опустив лоб на мою ключицу, Грим какое-то время не двигался. Только грудь его поднималась и опускалась тяжело. Не так, как у мужчины, который сейчас ничего не делал.

— Зачем тебе тогда стая? — спросила я.

— Чтобы было кого послать вперёд, кому ответить спиной. Чтобы стены были не пустые. Это не любовь, принцесса...

— А власть? — закончила я его мысль.

— Верно думаешь. Я её собираю с тринадцати лет. У меня нет других ремёсел.

— Я знаю, что такое власть, оборотень. Это тоже не семья.

— Мне это известно.

У меня под рёбрами сжался тёплый комочек. Я лежала под ним у костра и слушала сердцем, как одинокий вожак собирает армию, чтобы не быть одному. Сделала бы то же самое, если бы мне разрешили.

— Бедный волк, — едва слышно вырвалось у меня.

Он наконец поцеловал меня злым и долгим поцелуем, будто сводил со мной счёт. И я подавалась ему. Внутри уже не было ни Круга, ни двора. Никого, кроме нас двоих.

Его ладонь накрыла одну мою грудь и сжала. Я выгнулась настолько, насколько позволяли невидимые оковы. Получилось мало. А внутри много.

Большой палец прошёл медленно по соску, обводя его, и каждый раз у меня в самой нижней точке проскальзывала горячая искра.

— Грим, — выдохнула я хрипло.

— М?

— Не зови меня сегодня, как обычно.

— А как тебя звать, Лунная?

— Моим именем.

Он поднял голову и долго смотрел на меня тяжёлым взглядом.

— Скажи его, — тихо потребовал мужчина. — Я хочу услышать.

— Велаэна.

Грим наклонился ко мне и тихо проговорил в мои губы.

Внутри прорвалась плотина.

— Ещё! — попросила я.

— Велаэна.

Он поцеловал так страстно, что у меня прервалось дыхание. Одновременно с этим его рука наконец двинулась по моему животу поверх ткани. А потом раз, и ткани не стало. Я даже не уловила, когда она исчезла. Пальцы устремились туда, где я уже была неприлично готова. И от первого же скользкого движения у меня сорвался стон.

— Псы тебя побери, — низко выдохнул Грим мне в губы. — Ты вся горишь, Серебряная. Сама себя стыдиться будешь утром.

— Буду, — прошептала я.

— Я тоже буду помнить, — пообещал он, и его пальцы задвигались медленнее, с таким ритмом, о котором моё тело не знало. — Ты горела для меня и ни для кого больше.

А дальше Грим обрушил поцелуи на губы, в шею, плечо. Он спускался к груди и брал сосок в рот. Обводил языком. Прикусывал. И его пальцы не сбивались. А пружина внутри меня сжимала туже с каждым разом. И я уже не понимала, что происходит вокруг.

— Скажи, кому ты принадлежишь, Велаэна? — хрипло приказал Грим.

— Сегодня ты выиграл несколько раз, оборотень, — задыхаясь, едва выговорила я, потому что пыталась не утонуть. — Тебе этого мало?

— Мало.

— Тогда возьми сам, что просишь. Но не радуйся. Завтра я тебя убью.

— Строптивая? — усмехнулся он. — Мне нравится.

Мужчина опустил ниже, целуя грудь, живот. И каждый поцелуй обжигал кожу так, словно он метил меня заново, только теперь прикосновением губ.

Ладонь его внизу не останавливалась, но то замедлялась, то ласкала резче, безжалостно руководя мной. Пальцы скользили, поглаживали, заходили глубже, и наконец один из них вошёл внутрь меня. Я вскрикнула, и перед глазами потемнело.

— Ну же, — тихо подгонял он, не отрывая губ от моей кожи, — Велаэна, я чувствую тебя через метку и знаю, что у тебя там. Не сдерживай. Или снова боишься?

Грим улыбнулся. Я не видела, но ощущала это кожей.

— Не боюсь, — уже дрожала я всем телом.

— Тогда покажи. Это сон. Ты сама сказала.

Его второй палец вошёл следом, и моё тело поднялось ему навстречу, насколько могло. Я задохнулась, потому что от одного его движения большим пальцем мне уже не хватало всего.

— Если остановишься, больше меня не увидишь! — рыкнула я, чувствуя, как он замедляется.

— Не останавлиюсь, принцесса. Хочу, чтобы каждую ночь лежала со мной так. А теперь не томи, а то я взорвусь.

Ритм его пальцев стал тяжелее. Он водил ими в такт. Каждое движение совпадало с толчком метки на шее. Это и угроза, и ласка. Всё смешалось в моей голове: ощущения тела, его рот, рука, сорванный голос.

— Запомни, Велаэна моя. Я к тебе приду.

И в эту секунду внутри всё сорвалось. Пружина, сжимавшаяся, бешено выпрямилась одним рывком. Меня накрыло горячей волной, захлестнуло от нижней точки между бёдрами до кончиков пальцев.

Я выгнулась. Моё тело не должно было двигаться вообще. А ещё услышала собственный крик. В нём застыло его имя.

И в эту секунду, на самом пике, когда волна ещё не успела дойти до обрыва, сон оборвался.

Я очнулась в своей постели, и моё тело дрожало. Внизу всё искрило и разворачивалось до конца уже наяву без него. И от этого мне было стыдно так, что я почти прикусила себе язык, чтобы не застонать снова.

Свет, свет, свет!

Я лежала в темноте, закрыв лицо ладонями, и долго не могла унять дыхание. Между ног горело, словно его рука только что оттуда ушла.

Зажмурившись, я убеждала себя, что это всего лишь сон. А вдруг нет? Значит, он действительно за мной придёт?

Светлая мать, а я... такая бесстыдная.

Нет. Это игра воображения. Сегодня Свальд меня так укрепил, что всё вышло через край.

И действительно. Я чувствовала себя хорошо. И тело горело. Правильно. Сначала холод, потом жар. Так и должно быть.

Но всё же... А вдруг?..

Глава 12

Грим

Скади ползла к моему лежбищу третий раз за неделю. Я почувал её ещё на подходе. Мокрая шерсть, обиженная баба и лунный жар. Сев в темноте раньше, чем она шагнула за полог, я рыкнул:

— Куда?!

Она замерла. У костра снаружи кто-то перевернулся набок и снова засопел. Стая спала.

— Грим. — Голос у неё был тихий. — Я просто погреться.

— Иди греться к огню, где все.

Внутри плескалось раздражение.

— У огня не место для...

— Скади! — Я не повысил голоса. От тихой речи вожака зверь подбирается лучше, чем от крика. — Я тебе ясно сказал в прошлый раз. И в позапрошлый. Не приходи.

— Я нюхом чую, ты не спишь... после неё.

— Это не твоё дело, как я не сплю.

— Грим...

— Пошла вон!

Девушка постояла секунду. Потом полог дрогнул, и она ушла, не обернувшись. У меня в кулаке трещала кожа подстилки: я её сжал, не заметил когда.

Холод меня возьми!

Я злился на себя, что мне приходится её гнать. На то, что я когда-то её брал, думая, что беру Серебряную, и теперь рыжая ходит вокруг меня с желанием в зубах и не даёт вздохнуть.

Метка на груди тлеет, и сон не отпускает. Я ещё слышал в ушах её крик, на котором оборвался сон. Имя моё она выкрикнула в тот миг, когда я довёл её до пика, обездвиженную, под моими руками. И до сих пор я не знал, мне это снилось до конца или какая-то часть была наяву через связь. Может, она сейчас также лежит в своей кровати на другом краю мира и не знает, было ли это, или ей привиделось.

Что бы я сейчас отдал, чтоб встать на четыре лапы и пробежать эти земли до её стен за одну ночь. Полволчьей жизни, наверное. Но стая ещё не готова.

Я лёг на спину, закинул руку под голову. До рассвета было часа три.

Спать я уже не буду.

Поэтому я думал. Раз у меня по телу бежит серебро, значит, лунным ритуалом я смогу его раздать всем волкам.

Надо проверить. А если и так, то скоро свидимся с принцессой. И от этого тело наливалось жаром.

К ночи стая стянулась к большой поляне у трёх камней. Обряд проходил раз в месяц, на полную луну, и в этот раз я наконец встал у костра сам, а не Бранн. Право вожака никто не оспаривал в открытую, но я кожей чувствовал, как стая разделилась: одни смотрели мне в спину, другие — в спину Бранну. Он находился у второго костра, в десяти шагах от меня, и щерился в усмешке так, будто кость нашёл.

— Грим, — окликнул пёс негромко, чтоб слышали ближние. — Слышь. Дай я кровь делить буду. Ты три недели в плену сидел, рука дрогнет.

— Ты за мои конечности не переживай, за своими смотри, — огрызнулся я.

— Уверен?

— Как никогда раньше.

Я медленно повернулся к нему. Зверь знает правила: быстро поворачиваться нельзя, иначе это бой. Поэтому я всё делал, не спеша. Посмотрел на него холодно, и Бранн усмешку свою с лица не убрал, но плечи у него опустились. Этого достаточно.

— Стой, где стоишь, — велел я. — Кровь свою я делю сам.

— Как скажешь, вожак.

Он выплюнул последнее слово так, что у меня под кожей чесанул зверь. Я тут же его осадил. Бить Бранна при стае сейчас — это расколоть стаю надвое, а мне нужны все. Всё потом. Сначала окрасить, затем разобрать.

Стая встала кругом. В центре расположили каменную плешку на трёх ножках. Она была древняя. Выщербленная. С тёмными разводами от прежних обрядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.